

песни
по-русски

БОГАТЫРЬ «ДОН КИХОТ»

Журнал издаётся при поддержке
издательства «Синтаксис» (Париж)

Часть парижского тиража
оформляется как раритетное издание

Парижская редакция:
Михаил Богатырёв, Ольга Платонова
20 rue Santerre 75012 Paris
тел. 0142875620, steto@club-internet.fr

Российская редакция: А. Елсуков
тел. (812) 4373383, stetoskop@mail.ru
интернет <http://stetoskop.da.ru>

Mikhail Bogatyrev – textes, vocal,
guitare acoustique
Leonid Bredikhin – mixage,
pre-mastering et realisation artistiqu

Время звучания 25,58 мин.

© 1998 Virteo recordings –
collection STETOSCOPE 1999

Маленький журнал

создания прямой и косвенной речи

(Париж – Санкт-Петербург)

Стетоскоп

№3

Богатыр

Don Quichotte

chante en russe

Я не любил, вообще не любил киноэкран.
Сотрясая баллон слезоточивого смеха,
Я видел: народ умирает от ран, —
И час настал. Откуда помехи?

Лейкопластырь, линза, игла,
Запах окиси хлороформа,
Хлорофилла, дезодоранта
И расплавленного стекла.

И бинты телеэкрана
Заметут внутренний двор,
Чёрный ход из ресторана
И людей заметут как сор.

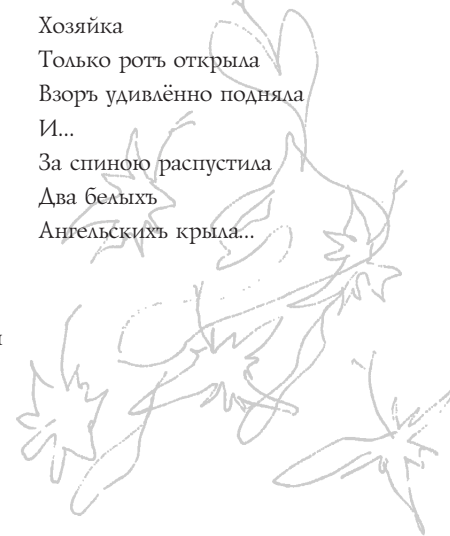
Повтор: Я не любил посещать внутренний двор...

Через край желанье сна,
Я вышел в это место.
Я думал, я узнал,
Но неизвестно, неизвестно.
Я никого не трогал, ничего не просил
И выспался в моменте приложения сил.
Прислушайся ко мне, не шевели ногами,
Мы входим в сад камней, мы превращаемся в камень.
Родительские траты — это то, что нам надо,
Но я не понимаю, зачем эта радость?
Я думал, я подрос,
Я стал большим и сильным.
Я задал свой вопрос,
Когда я жил в рыбокоптильне.
Я никого не трогал, ничего не просил,
И выспался в моменте приложения сил.
Прислушайся ко мне, не шевели ногами,
Мы входим в сад камней, мы превращаемся в камень...

Прохожий

я ухожу и возвращаюсь
И снова вежливо стучась
Вхожу и вь гостя превращаюсь
И вновь прощаюсь через часть
И воть уже опять - прохожий
Блуждаю вь чаше чьих-то ногь
Среди похожихь одиночь
И снова вь чьей-нибудь прихожей
Нарушить тишину звонокь
И отперается замокь
И я уже прошу прощенья
За то что воть — безь приглашенья
Решиль зайти на огонекь
Что я озябь
Что я промокь
Что я бы могь пройти и мимо

Но нити тянутся незримо
И нась приводят на пороць
Туда
Куда захочеть Богь
Хозяйка
Только роть открыла
Взорь удивленно подняла
И...
За спиною распустила
Два белыхь
Ангельскихь крыла...

Стойте не стойте —
Светь уже жёлтый...
Что за “пошёлъ ты”?
Сами идите
Если хотите
Сами себя
Прекрывая трусами
Трусами тоже становятся сами
Сами себя языками метёте
Сами становятся Тётями Тёти
Чтобы на Тётины прелести глядя
Дядями сразу же делались Дяди
— Дяденька
А дяденька
Довай съ Тобой присядем-ка
И поглядимь немножко
На тётенькины ножки...

больница

...Больница
Ночь
Враждебная Среда —
Всё это не Трагедия...

Бродский

Вь комбинацияхь разныхь
Разь за разомь всё боле
И всё более праздныхь
И напрасныхь до боли
Ощущение скуки
Пустоты и унынья
Словно кончились звуки
И не будеть оть ныне
И оть ныне на свете
Только серые тени

В настоящее время на студии Димы Артёменко (Париж) записывается CD «Праздник русской авиации», в который войдут песни Хвоста, БогатыРя и Кирилла Тера.

«Хвост... хвост... навяз уже в зубах... вчера грузили с ним картон в доме грузина и я вспомнил о его жиличке... змейкой юркнула в сторону реки Занги... а ведь была вполне уместна!
...вириши нуждаются в усиленной редакции.»

Музыку, тексты и живопись можно грузить на сайте <http://stetoskop.da.ru>.

1. Внутренний двор (04.05)

Заставка: фрагмент звукового сопровождения к фильму «Дон Кихот»

Я не любил посещать внутренний двор:
Там я казался себе неразорвавшейся бомбой,
Которая вот-вот приведёт приговор
В исполнение... О-о, это террор!

Я не любил посещать зрительный зал:
Там я казался себе часовым механизмом.
Купаясь в лучах отражённого света, я знал
Своё действие... и... весь трепетал!

И напрасны все эти
И мечты и хотенья
И природа со мною
Старым сердцем заняла
Обернулась зимою
Огляделась уныло
И задула за стёкла
Как волынка запела
Одинаково блёкло
Всё окрасила белым
Как в больничном покое
А посмотришь повыше —
Толи лёд над рекою
Толи небо над крышей
Так приходят незримо
Поселяются тихо
Ежегодные зимы
Ожидания лиха...

2. Вам всем пора ко сну (02.19)

Заставка: фрагмент звукового сопровождения к фильму «Дон Кихот»

Вам всем пора ко сну.
Я вспомнил это место.
Я думал, я уснул,
Но неизвестно, неизвестно.
Я думал, я проснулся,
Тогда кто же уснул?
В своих манипуляциях я переплел
Через край желание сна,
Я вышел в это место,
Я думал, я узнал,
Но неизвестно, неизвестно.
Я думал, я проснулся,
Тогда кто же уснул?
В своих манипуляциях я переплел

Сидели в диаскопе, но не с той стороны.
А с этой стороны была ресниц баррикада.
Никто не мог затылок отличить от стены.
Никто не видел дыма, мы сидели за кадром.

На этом диафильме у меня много рук.
На этом диафильме к нам в окно лезут пальцы.
На этом диафильме разглядеть не удастся
Меня, и это будет замкнутый круг

меня...

На этом диафильме к нам в окно лезет круг... etc.

Монолог: «Ну, вот, весна. Чуть старше... И уже эти люди говорят: «Я приобрёл новые джинсы. В окно светит солнце, и мы говорим: «Весна!» Четвёртое представление весны, когда уже засунул вату между пальцев, помазался йодом, был у мозолиста... Весна-а!»

— Были свидетели?
— Видите ли
Куда не войдёте —
От куда-то выйдете Вы...
— Вы не ответили
— Дяди и Тёти
Будьте как Дети!
— Эти?
— Вы не поймёте...
— Ваше мнение
— Это маня
— Темь ни менее
Всё внимание
Къ изменению
Понимания...

Дяди как Тёти
Тёти как Дяди
Руки въ помёте

Губы въ помаде
Мысли въ поёте
Ноги въ пыли
— Дело въ работе?
— Да
За рубли
— Значить въ награде?
— Чего жъ ещё ради
Тёти ложатся въ кровати?
— Для Дяди!
Тётя для Дяди награда
А Тётя
Дура и рада
Просто работе...
Этакая Камасутра
Утромъ тебя разбудить
— Хрена себе — скажешь — утро
Ну и денёчекъ будеть...

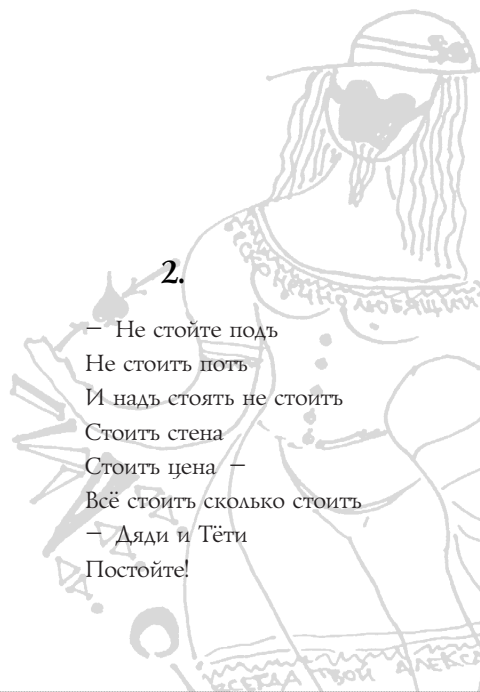
На воздушные массы
Я смотрел из окна.

Звонок по телефону:
— Вы такой-то? Снимите трубку!
Говорит Ваш знакомый
Из радиорубки.

Весть о кончине начальника склада.
Пропажа боеприпасов.
До последнего взгляда...
До последнего часа...
До последнего мига...
Разорвана книга.

Ветер унёс страницу... и т. д.

2.

— Не стойте подь
Не стойть поть
И надь стоять не стойть
Стоить стена
Стоить цена —
Всё стойть сколько стойть
— Дяди и Тёти
Постойте!

Сколько Вы стойте?
Спойте!
Тётеньки Дяденькамъ
Голосомъ гаденькимъ
Песни поють
Наливають по праздникамъ
Въ души уютъ
И дають безобразникамъ
Блюда изъ Радостей однообразень-
кихъ
— Охъ
Радости Вы Тётины
Чего-то Вы несёте ны
— Охъ
Храбрости Вы Дядины
Куда-то съ Вами сядемъ мы
— Дяди и Тёти —

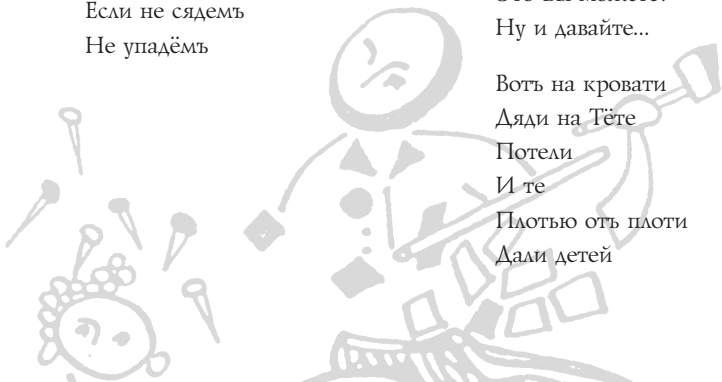
Фагот - Александр Бутузов
(Москва)

О дядях и тётях

— Дяди и Тёти
Идите!
Идёте?
Дяди и Тёти и Дети —
— Идёмь...
Если не сядемъ
Не упадёмъ

1.

— Ладно
Владейте
Стройте и сейте
Ройте-копайте
Хошь — покупайте
Хошь — продавайте
Но облопошьте
Это Вы можете?
Ну и давайте...
Вотъ на кровати
Дяди на Тёте
Потели
И те
Плотью отъ плоти
Дали детей

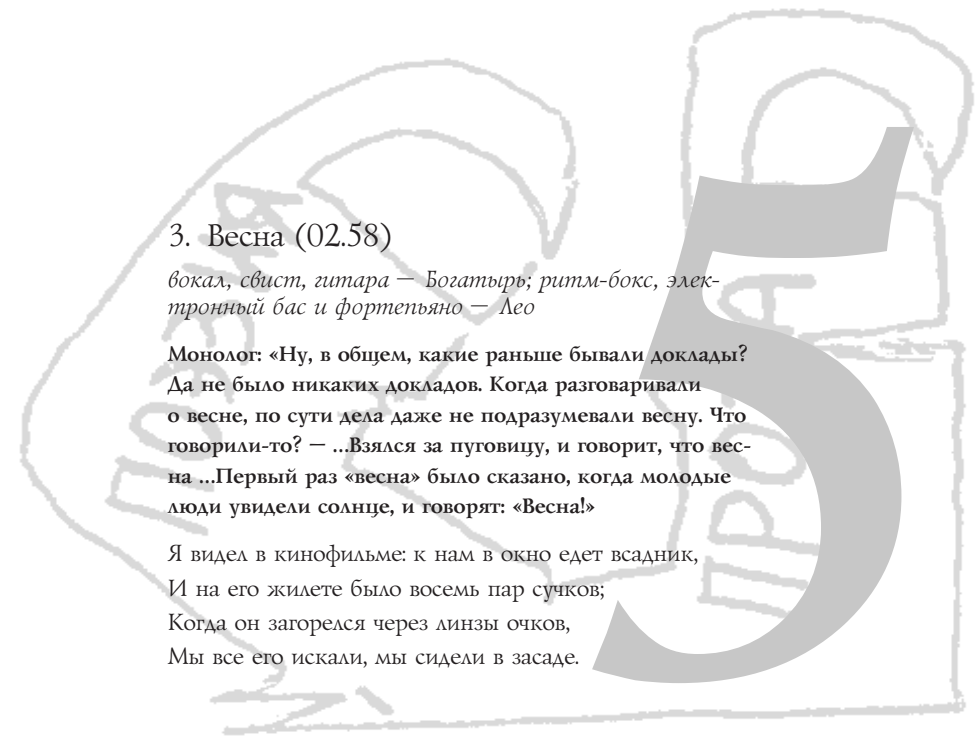

3. Весна (02.58)

вокал, свист, гитара — Богатырь; ритм-бокс, электронный бас и фортепьяно — Лео

Монолог: «Ну, в общем, какие раньше бывали доклады? Да не было никаких докладов. Когда разговаривали о весне, по сути дела даже не подразумевали весну. Что говорили-то? — ...Взялся за пуговицу, и говорит, что весна ...Первый раз «весна» было сказано, когда молодые люди увидели солнце, и говорят: «Весна!»

Я видел в кинофильме: к нам в окно едет всадник,
И на его жилете было восемь пар сучков;
Когда он загорелся через линзы очков,
Мы все его искали, мы сидели в засаде.

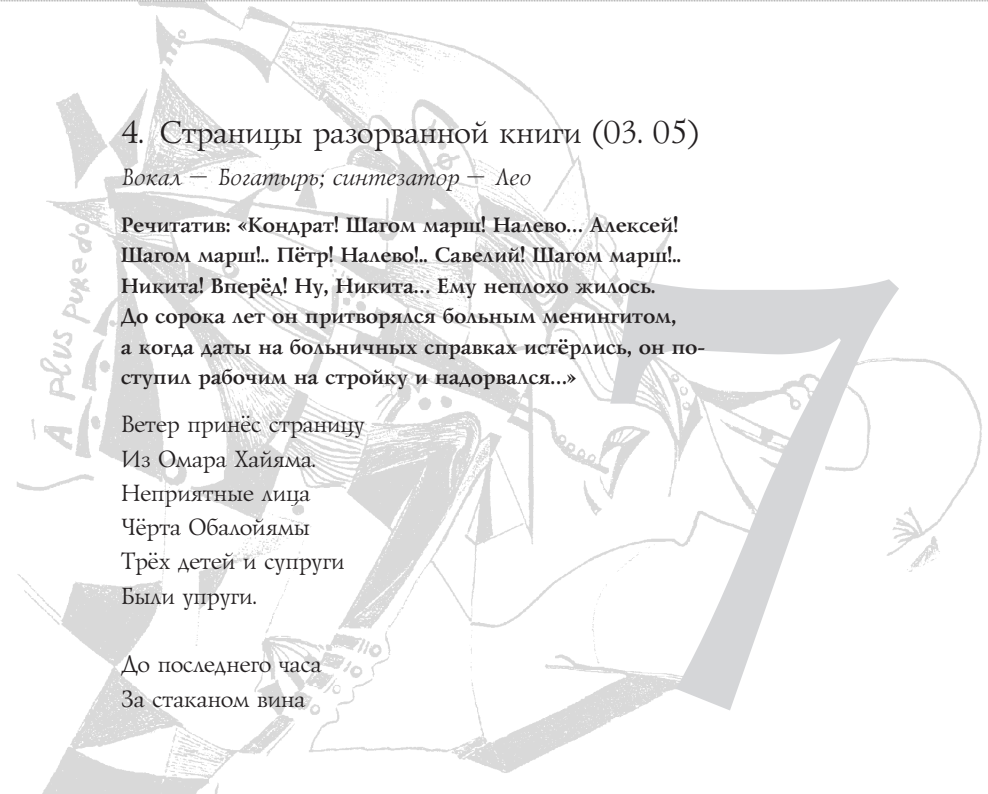
4. Страницы разорванной книги (03. 05)

Вокал — Богатырь; синтезатор — Лео

Речитатив: «Кондрат! Шагом марш! Налево... Алексей! Шагом марш!.. Пётр! Налево!.. Савелий! Шагом марш!.. Никита! Вперёд! Ну, Никита... Ему неплохо жилось. До сорока лет он притворялся больным менингитом, а когда даты на больничных справках истёрлись, он поступил рабочим на стройку и надорвался...»

Ветер принёс страницу
Из Омара Хайяма.
Неприятные лица
Чёрта Обалойямы
Трёх детей и супруги
Были упруги.

До последнего часа
За стаканом вина

В которых юность и страх
Плотно забиты в жесть.

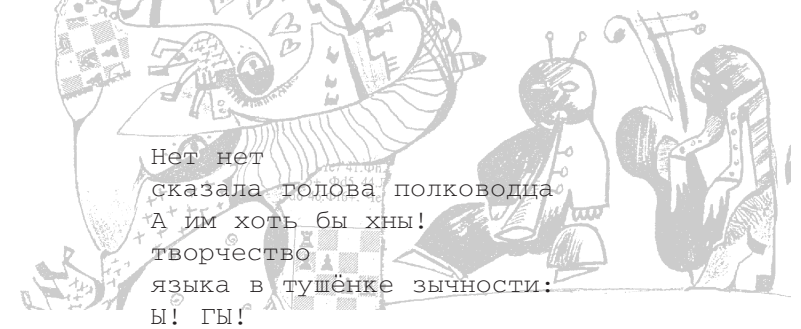
А кто-то пробует кровь,
Ей отворяют подвал: «Скорей!»
Она вернётся домой,
Когда на часах будет шесть.

6. Полёт (03.10)

*Текст, вокал, свист, акустическая гитара —
Богатырь; ритм-бокс, синтез-вокал — Лео*

**Речитатив: «Практическая задача наша проста:
не фантазировать, но, наоборот, всячески ограничи-
вать свою фантазию»**

Твой полёт на воздушном шаре
Свёл с ума всех детей округи
Вчера.

Нет нет
сказала голова полководца
А им хоть бы хны!
творчество
языка в тушёнке зычности:
ы! гы!

7. Действие возобновляется.

Толя (танцует с Ниной, жеманно): И да... и нет!

Ваня (танцует с Толей): Видишь, Толян, наши лапы? Эге! Как явственно здесь представлена чешуя!

Таня (танцует с Аней): Кто-о? Я? Я - ни-ни!..

8. На сцену выбегает чтец в костюме солдата:
Танцев не было! Нас дезинформировали!

Луч прожектора “застревает” в казарменной тишине: Взвод солдат на побудке...

В четырнадцать лет я был чемпионом Зимбабве.
В пятнадцать лет я стал чемпионом Союза.
В двадцать шесть лет я ранил чемпиона Анголы,
А в двадцать семь лет я стану чемпионом вселенной, —
Мне цыганка сказала, я стану чемпионом вселенной.

В четырнадцать лет я сэкономил на спичках.
В пятнадцать я вступил в ряды онанистов.
А в двадцать пять лет я буду чемпионом Союза,
Ведь этот народ, он выстрадал кровавую песню.

Первый мой тренер — Генцо Лоренцо Максудов,
Второй был в беге наторевший Дискастер.
Третьего я что-то уже не припомню.
Видишь, отец на лавочке строит мне куры.

В четырнадцать я ранил чемпиона Зимбабве.
В пятнадцать я ранил чемпиона Анголы.
А в двадцать один я стану чемпионом Союза.
Этот народ, он выстрадал кровавую песню. (3 раза)

творчества
МНЕ неймётся
замыслил про...
нарцисс рек
сказала голова полководца...

и т. д.

3. Действие возобновляется. Актёры, напоминающие тараканов, приклеенных к лентам транспортёров, движутся в темноте вверх ногами. Изредка вспыхивают надписи: “Свадьба в буфете”, “Хитин”, “Ювенал” и т. д. и т. п.

4. Голова Ивана: Ты, Толя, танцуешь как черепаха.

Таня (танцует с Аней): Знаешь, лапы у нас складываются и раскладываются... И это он называет “облапить”...

Таня смеётся.

В. Жирнов, Е. В. Доким Анатолий В.

Ирония В Поезде / поэзия катастроф /
/СПБ.- КОСТЮМША/

...Чернее Чёрного моря
Чадил на Севере паровоз-вагон
- Разбежались - пастбища! - Где он,
Механический монстр?

И: мелко-мелко:
Быки глазами безволоса
Зубрили зрешний, тамовший сон
А я, Е.Е. Анатолий В.,
Лёжа на верхних полках,
Мечтал о чём-то живом

В шахматке пассажиров значились
Две юных любительницы обезжиренного
Молочка
"О чём вы, девушки, плачетесь?" -
Мечталось, пока СМОТРЕЛ ГЛАЗАМИ БЫКА!

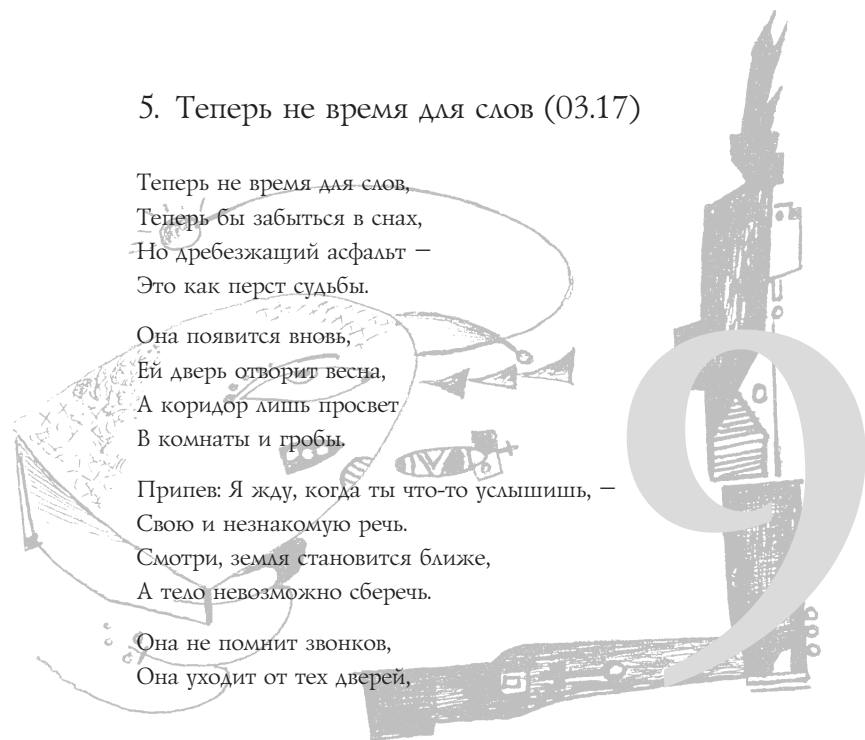
5. Теперь не время для слов (03.17)

Теперь не время для слов,
Теперь бы забыться в снах,
Но дребезжащий асфальт -
Это как перст судьбы.

Она появится вновь,
Ей дверь otvorит весна,
А коридор лишь просвет
В комнаты и гробы.

Припев: Я жду, когда ты что-то услышишь, -
Свою и незнакомую речь.
Смотри, земля становится ближе,
А тело невозможно сберечь.

Она не помнит звонков,
Она уходит от тех дверей,

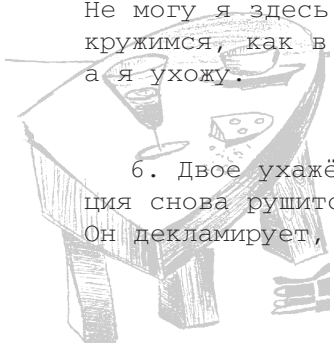
5. Вспыхивает надпись: "Быстрый танец. Но не джига!"

Аня (танцует с Таней): Он - это черепаха под панцирем, видишь? Видишь?..

Ваня (танцует с Аней): А вот и мягкое место..
Ваня скоромно смеётся.

Толя (танцует с Олей, танцует с Таней): Видишь, Таня, видишь наши лапы? Эдак ты подробно пляшешь возле лампы..

Иван (подбегает к Толе; принуждённо танцует): Не могу я здесь, Толя! Фальшиво всё это! Въёмся, кружимся, как в кордебалете!.. Ты - как хочешь, а я ухожу.

6. Двое ухажёров приступают к Ане... Но декорация снова рушится. На сцене - всё тот же чтец. Он декламирует, запинаясь на каждом слове:

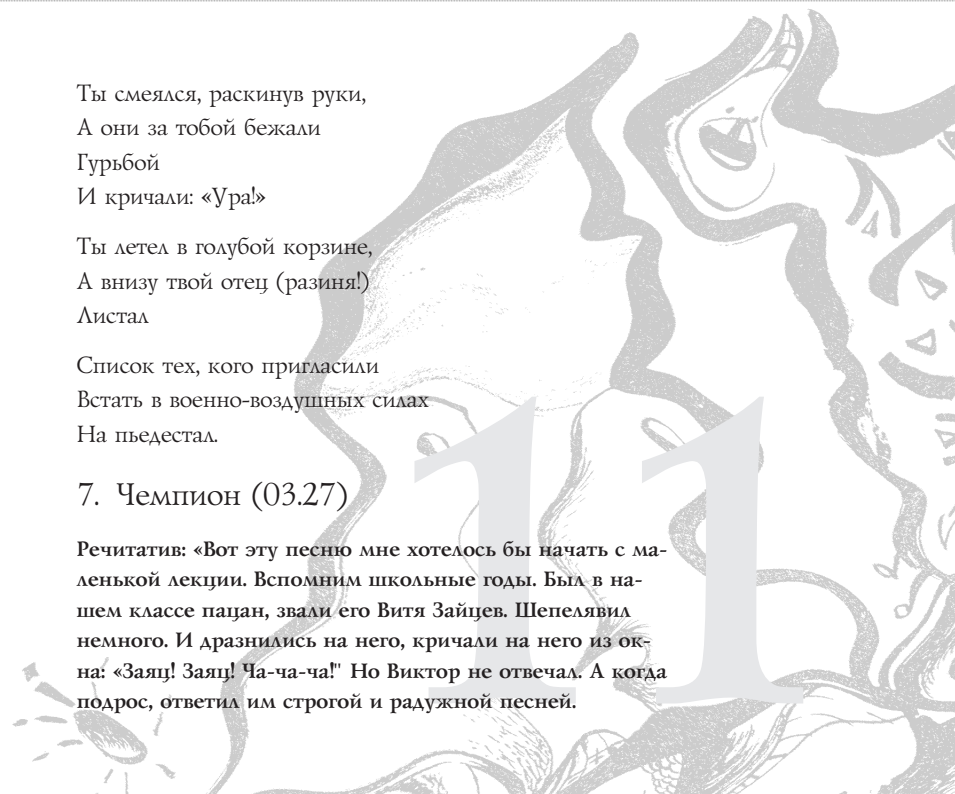
Ты смеялся, раскинув руки,
А они за тобой бежали
Гурьбой
И кричали: «Ура!»

Ты летел в голубой корзине,
А внизу твой отец (разиня!)
Листал

Список тех, кого пригласили
Встать в военно-воздушных силах
На пьедестал.

7. Чемпион (03.27)

Речитатив: «Вот эту песню мне хотелось бы начать с маленькой лекции. Вспомним школьные годы. Был в нашем классе пацан, звали его Витя Зайцев. Шепелявил немного. И дразнились на него, кричали на него из окна: «Заяц! Заяц! Ча-ча-ча!» Но Виктор не отвечал. А когда подрос, ответил им строгой и радужной песней.

© 1998 Virteo recordings // collection STETOSCOPE 1999

Bogatyr "Don Quichotte" Богатырь "Дон Кихот"

durec 25.58 min время звучания 25,58 мин.

Mikhail Bogatyrev – textes, vocal, guitare acoustique

Leonid Bredikhin – mixage, pre-mastering et realisation artistique

14

Мария Смирнова-Несвицкая (СПб)

Батай и тётя Маруся

Батай сидел за столом и писал: Женщина рождает себе господина, внутреннее устройство женщины позволяет ей это сделать, господин женщины является одновременно слугой своего Господина, Его посланцем.

Время, отведённое ему на воплощение в качестве слуги своего ГОСПОДИНА, протекает быстро, но не быстрее, чем единственное естественное, то есть физио-, органо-, логическое время — и в свой момент, не отмеченный ничем, кроме лёгких следов терракотового на светлом полотне, следов, составляющих постоянно-переменчивую указку, неотвратно-ласковый вектор, приглашающий отпраздновать очередность меняется местами с самим собой, бывшим только что — миг назад или миг вперёд.

Батай посмотрел в окно на доски, прикрытые грязным рубероидом и продолжал:

Призванник женщины забывает о своей посланности позже женщины, определяющей меру посланничества и исчерпанности своей тонкой осяза-

— А я — существо из облачного мира, — горделиво сказал мне военачальник Юфьтауби.

— Да... — хмыкнул секретарь. — Что это за человек такой? И зачем он собрался вступать в Армию Искусств, когда ни имени своего толком не знает, да и ни о чём другом понятия не имеет?

За окном призывно заверещала сирена.

Зазвучал пневматический молоток.

— Вот, смотрите, — сказал мне Юфьтауби. — Я достаю из портфеля тетрадь №6. "Волонтёры, поступающие на службу", — записано на обложке тетради.

С испугом смотрел я на кожаную тетрадь.

— Так... Это здесь, в графе "кинорежиссёры"... Раздел "подобающие фамилии"... Юфит... Лифонштейн... — принялся было перечислять Юфьтауби.

— Отсюда произошли все имена... Вернее, все буквы, — заметил со своей жёрдочки секретарь.

Бзыц-цим-Б-зыц-цимбз-ыц-цимб — трудолюбиво скрежетал за окном паровоз узкоколейной ж. д.

— Вам следует взять себе имя Приньяк Первый, — твёрдо сказал я.

Удоменщикъ + Роберт Мухин

ТАНЦЫ НА МОЛХОВЛАПОВОМ ПОБЕРЕЖЬЕ
(описание пьесы)

1. Казарменная тишина. Актёры путешествуют по сцене вверх ногами. Изредка там и сям вспыхивают надписи: "Свадьба в буфете", "Медленный танец" и т. п. ...

2. На какое-то время декорации рушатся, т. к. на сцену вбегает чтец (чтец - в костюме солдата и в белой панаме).

Чтец декламирует:

Нет рек
сказала голова полководца
а, исполать им! -
холодными хлопьями

Немигающие глаза военачальника подёрнулись матовой пеленой.

Голубь-лейтенант Юфьтауби слегка привстал и отдал мне честь.

— Здравствуйте, господин подполковник! — сказал он.

...Зыц-цимбз, — включился механизм будильника.

Собрался я вступать в армию искусств.

Голубь-лейтенант Юфьтауби принял меня в своём кабинете, и кабинет окрасился чёрным.

— Пожалуйста... Проходите к начальнику армии... Только сначала представьтесь. Вы — кто? — забормотал секретарь.

— Я, — говорю, — это Я, Я и я.

Замолчал секретарь.

Замолчал лейтенант Юфьтауби.

Форточка остановилась в оконной раме.

Дззззззз-цимб-з-цимб, —

надтреснуло часовое стекло.

Я рывком подскочил с постели и направился в ванную. Или нет... в коридор. Словом, куда-нибудь... О Господи, да где же в этом доме зеркало?

Париж, 1995-97

8. Обломки раковины (03.27)

В качестве заставки использовано симплированное пение художника Юрия Васильевича Титова, исполняющего только одно слово: «ленивые» (звуковое сопровождение — Римма Хвостенко и Алексей Батусов)

Обломки раковины...

В пятиугольном
они запутались море.

О, как мы, дети, плакали

Слезами горя.

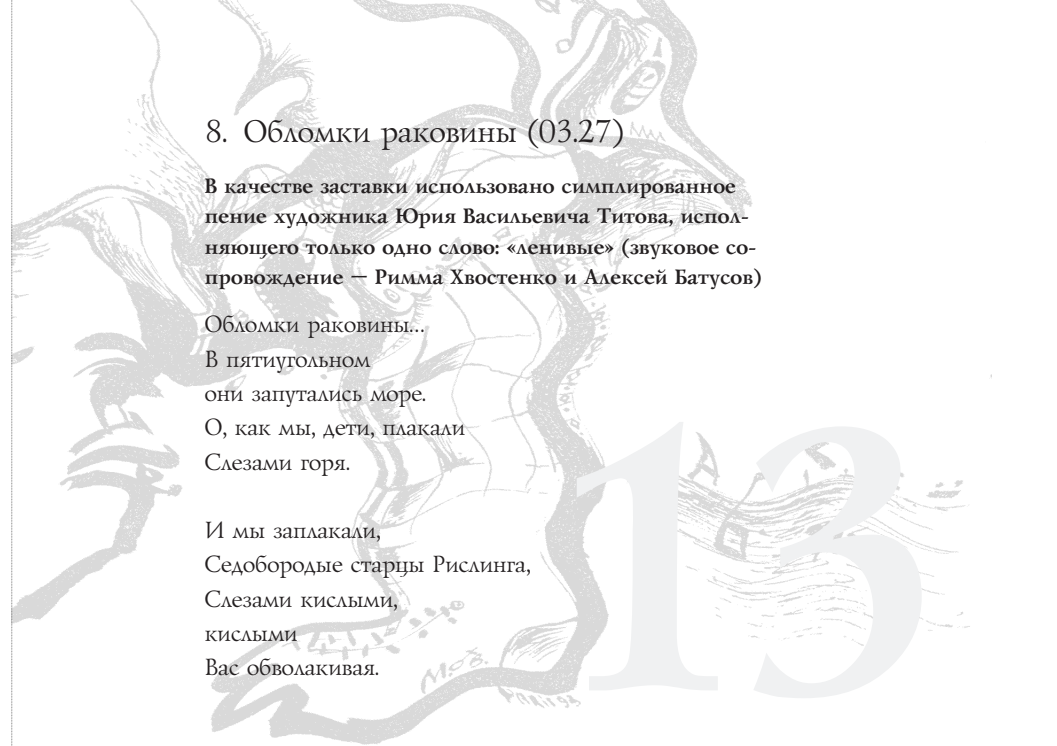
И мы заплакали,

Седобородые старцы Рислинга,

Слезами кислыми,

кислыми

Вас обволакивая.

Содержание

Мария Смирнова-Несвицкая (СПб) Батай и тётя Маруся	16
Ольга Платонова (Париж) Опровержение Декарта	21
Эна Трамп (СПб) Железные ангелы - 2	28
Александр Ле (Солнечное) Зеркальный	35
Михаил Богатырёв (Париж) Искусство птиц	48
Обложка журнала «Стетоскоп» №8 за 1994 год	51
Удоменщик и Мухин (Париж) Танцы на побережье	52
В. Жирнов, Евдоким Анатолев (Париж) Поэтические графемы	56
Фагот — Александр Бутузов (Москва) О дядях и тётях	58

При оформлении номера использованы рисунки авторов

18
Батай посмотрел в окно и увидел, что тётя Маруся выходит из калитки Петровых уже без бидончика, но с каким-то мешочком в руках. Батай поспешно отвернулся и снова стал быстро писать.

Умение отказаться от внежизненной жизни, видеть в ДРУГУЮ СТОРОНУ — оставляется лишь немногим истинным посланникам. Другие же, ощущая в теле своей души некоего червя, питающегося любовью к Богу, приучают его к поглощению слишком большой дозы золотистых субстанциональных брызг, поступающих с равномерностью и нескончаемостью, не могущей прерваться ничем, кроме перемены движений светил на небесах, катастрофы, которая и не замедляет явиться Гасконадой к стоящему в центре и лежащему в центре центра обвешемуся червю. Перешагивая, переползая, перетекая, просачиваясь сквозь дырочки, всё расширяющиеся в границе дозволенного, изведая эту границу, изрешетив её причудливым узором, наподобие ложновалансонских кружев, охватывающих ласковой плотностью ногу проститутки, ничего не скрывающих собой, а лишь указывающих на след когда-то проходившей здесь грани запрета - и изумительное тончайшее кружево, блеснув на долю мига своей притворной настоятельностью, открывает НЕЧТО, прикосновение к чему означает СМЕРТЬ ТАЙНЫ.

20
цессии и — НЕДЕЯНИЮ, к сознательно стираемой конфабулируемой цели. ОН требует не иметь цели, и я не буду её иметь. Он требует, чтобы жил НЕ Я и это незаслуженная ещё отметина в виде ревокации — родимого пятна — проявляющегося на обратной стороне каждого избранника. И я, подчиняясь ЕГО настойчивому неразглядыванию, Его сосредоточенному невниманию — я буду выполнять Его требования, слушая внутрь себя, взирая на продвижение тиши по тещеводу, не думая, не произнося ни слова, я буду как он, буду ли я? Лишусь ли я языка, которого я уже лишился — смотри, я нем, о мой язык, казавшийся универсальным, подходящим для погонщика мулов на Агшиевой дороге и для Авиценны равно, подчинись не ожидая ни красных петухов, ни жёлтых — вкладывающих зародыши премудрости — для созревания — как зреет в курице яйцо и выйдет оно на Свет, лишь затянувшись скорлупой от света, защитившись от Света скорлупой и ожидая, ожидая РОЖДЕНИЯ СМЕРТИ, ожидая СВОБОДЫ, свободы выпадения на сковородку.

Батай почирикал карандашом и исправил в своём имени одну букву «а» на букву «о». Получилось «Ботай». Ботай вообще любил экспериментировать со словами и с буквами. Ботай посидел ещё немножко за столом, потом вздохнул и пошёл ужинать.

Обозревая пейзаж, вижу, конечно, пейзаж — индустриальные иглы с нитями тонких дымов и неуместную зелень скверов и горшков гераней. И, конечно же, небо, мглящееся зеркальным туманом.

Если я говорил о любви, это был зеркальный туман. Если я говорил об обманах, ласке, цветах, дыханье — это был зеркальный туман. Если я сказал “зеркальный...”

Предошущая,
ждёт нас последняя ночь
перед уходом в зеркальный туман.

странный и страшный, выйди отсюда, покуда не поздно, ты ещё целый, но кожа твоя уже матово серебрится.

Страшно! Я вижу миллионы своих отражений. Где здесь верх и низ, где прошлое моё? Страшно! Верните мне мои зимние окна, мой дождь, голубой и тоскливый! Что я без него — пыль сомнительных частиц...

Так, умножая себя на себя, или, проще, себя расчлняя, тают седые лучи, обращаясь в невнятное Нечто. И, повторившись в себе, уже непонятны зеркальному лику.

Растёртый в пыль,
он режет мне глаза. Я плачу... — Что? — Я плачу!..

Если здесь что-то и есть, то оно не имеет названия. И, обратившись в туман, так ты склоняешься зря! Не отраженья порхают, порхают немymi кругами, не изумление одело пасхальный наряд. Здесь начинаются вечные детские игры — вывернув душу, разбив зеркала и устав, тает в неге росинки пьющий зеркальность трав. Насмешливо смотрит огромный глаз стрекозы.

Михаил Богатырёв Искусство птиц

Первая, без рисунков и комментариев, редакция сновидения “Мама, я воробей” (из цикла “Коллекция слов и объектов”)

Собрался я вступить в Армию Искусств.

Начальник армии, голубь-лейтенант Юфьтауби принял меня в своём неокрашенном кабинете.

— Юрсклов! — представился я.

— Юрсклов — это фамилия киноактёра, — поправил меня Юфьтауби.

Пятьдесят лейтенантов, отражавшихся в зеркале, висевшем у него перед носом, записали в своих тетрадах:

“Имя человека, его фамилия и прочие интимные сведения... Юрсклов есть не что иное как кукла, которой забавляется этот не достигший зрелости дух”.

Словно писала ступени

Словно писала ступени

тельно-временной щупальцей и открывает путь новому посланнику. Ни один из призванных не может избежать участи посланника, но будучи призван здесь и являясь на дороге стремлений по-сланником, он становится Там — ото-сланником, лишаясь, пусть ненадолго, умиротворяющего руководства, и будучи отосланным, неизбежно преодолевает Путь. Любой путь должен быть пройден до начала от конца отосланности, поэтому завершения нет, и тем оно желаннее, взлелеянное поэтом, бывшим некогда, до рождения своего теперешнего про-знания также посланником.

Батай посмотрел в окно и увидел тётю Марусю, которая шла к Петровым с каким-то бидончиком. Батай отвёл глаза и продолжал писать:

Посланничество, однако, имеет свойство обрываться с тщательно подготовленной внезапностью, сдвигая пределы в одну дуинную точку, удавливая просеребрённое звёздами ультрамариновое небо — в тарелку с чечевичной похлёбкой. Так отмечается неизбежный при несовпадении ритма мира и ритма сердца отказ от нежного шёпота околплодного моря, забвение иголки в стогу сена и эта, на первый взгляд незначительная потеря определяет направление взгляда судьбы.

Это вращенье погоды, смена фаз цветенья, круженье снежинок и рокот шмеля мною, огромным и вечным, родственно принимаемы, кровно во мне отдаются. Обозревая пейзаж, вижу, конечно, себя, мерящего небосклон лёгким полётом.

Мне вновь отданы во владенье звёзды, мир и Ты. Пришедший к своему началу, к своему концу, я должен об этом сказать. Мною принято всё (так, объятье не знает, о чём размышляет взгляд, принятый им в себя).

Скажи, человек, где кончается тело уходящего в зеркальный туман? Где кончается душа ушедшего? Где грань между шелестом листвы и моими мыслями, между небом и покоем, что дышит во мне, между Тобой, любимая мною, и солнечным светом?

Пришла тётя Маруся, принесла солёных огурцов в полиэтиленовом мешочке и села посидеть. Батай продолжал очень быстро писать:

За-граничная тайна отнята, утянута в воронку прозрения, про-знания, и вместе с извивающейся агонией тайны рождается алчная одержимость — вновь её иметь! Рождается не сразу бешеным наваждением, но тихо скулящей сукой над мёртвым тельцем неудачно торившего путь первенца.

Тётя Маруся налила себе в маленькую гранёную рюмочку, закусила кусочком сыра, коротко глянула на Батая и протяжно закричала: Ты уехала в знойные степи, я ушёл на разведку в тайгу, над тобою лишь солнце палящее светит, надо мною лишь кедры в снегу! Батай вздрогнул и стал писать дальше.

Однако, оказывается — для умеющих видеть в другую сторону, что клубок, валяющийся в тёплой невесомой пыли на дороге, и подобранный, казалось бы, случайно-внимательной рукой — тянет свою бесконечную серебристую прохладную нить в самую чашечку цветка, нанося пунктиром невидимые ещё контуры новой границы. И спасение приходит с закатной стороны, и красота — тихо — с противоположной, они встречаются неожиданно в яснейший полдень, вручая всё тот же запутанный, виденный десятки раз клубок — означающий обретение не только утерянных границ, но приводящий к одной

22

Представим себе внезапную вспышку (наподобие короткого замыкания электросети).

Мгновение — и — мысль прекратилась. Как поведёт себя в такой ситуации оказавшийся в темноте эгоист? Должен ли он послать в верховные инстанции интеллекта сообщение “Я не мыслю!” которое само по себе уже будет оксюмороном, ибо оно есть мысль? Или же эгоизм прекращается, умирает, несмотря на имеющиеся в его распоряжении рефлексы, инстинкты, образы памяти etc.?

Заявление об отсутствии мыслительного процесса неизбежно предполагает контекст. Так и хочется проиллюстрировать подобное заявление при помощи рекламного плаката, где Роденовский мыслитель восседал бы на унитазе фирмы “Филипс”. Венчающая изображение надпись “Я не мыслю” выглядит здесь столь же внятно, как и противоположное утверждение, а по остроумию, пожалуй, и превосходит его.

В экзистенциальном плане суждения “Я мыслю” и “Я не мыслю” не отличаются одно от другого. Они равнозначны и безразличны, как... ..фонетические обломки в малоизвестном двестишии Евдокима АНАТОЛЬЕВА, одного из зачинателей афазической поэзии. Вот это двестишие:

24

Все эти размышления и привели Михаила БОГАТЫРЁВА к идее написания серии коротких поэтических пейзажей сухим, неэмоциональным языком перечислений.

Вот два наброска:

I

Оглушенье спало.
Разбив мосты,
Опустились волны,
Латая пригороды

Как попало.
Закат остыл,
Подоткнув веко своё
На выколоте

Глазу. Тучи стонут во сне, и
ворочаясь под бездонной периной —
То в град,
то в снег запрокинуты

Слёзно зовут грозу.
Сумерки.
Из-под вёсел бездонности
Плачут души, преданные смоле. И
Не верит город, что нынче он постиг
Всю тяжесть бремени Асмодея...

II

Дрожь билась в камуз. И
Рупор осени
вторил музам
беспамятства.

Выводила зурна
Клятву волны лазурной.

Буквальные восприятия чреваты невниманием (вернее, невнятием, непониманием; h (ню) — значок тумана).

Буквоеды поедают _уквы. Что _удет, кто _удет лю_ить, как _ыть _ез _у_нов, _лядей, _аранов, _аранок? У _уквоедов нет _удущего, и _о _ольно жить _ез _уквы “Б”!

Ведай, умница, враки вещей.

Горе горбит и грубиянов.

Дли дело долготы для.

Еле-еле плыли думы пузырями бурь и радуг (Ласточкины разговоры, треугольный лёт на снег...). Я метался чёрным вором меж немыми зеркалами, чёрный зайчик, нервный чёртик, как в кошмарном детском сне. Еле-еле плыли тени повторявшихся видений, вызывая удивлённый вскрик в трепещущих листьях. Страх, сомненья и истома — боже! кто так странно пляшет? Это кружит в пируэтах в менуэтных пустота. Суета. Это белый-белый страх. Так.

* * *

Выходя с портфелем в голове —
всё же будь нежным походкой и задумчивостью.

* * *

Любовь — мир, куда не ходят трамваи, откуда не ходят часы,
где не входят и не выходят. А что?

* * *

Млечный Путь страсти исколот шипами вдохновения (вожделения?).

* * *

Змея подобна бокалу шампанского.

* * *

Если ты сказал всё — помолчи и подумай.

* * *

.....!
.....!

Опровержение Декарта
или заметки об упорядочивании смыслов
в афазической поэзии и поэзии абсурда

Описанное Картезиусом самопознание эгоизма, определяющего посредством мышления свой онтологический статус (“Я мыслю, следовательно, я существую”), сводит вопрос о непознаваемости Ничто к элементарному решению. Для того, чтобы исследовать НЕсуществование, нужно (как минимум!) прекратить мыслить. Ведь если мысль, согласно Декарту, есть исчерпывающая (применительно к существованию) форма причинности, то утверждение “Я не мыслю” вообще не может быть произведено на свет.

Картезианский абсолютизм опротестовывает саму возможность скучной дарвинистической поступательности, он выражается в сиюминутном присвоении вечности, он — лозунг, девиз-на-каждый-день, аллегорическая оболочка для пафоса рациональности.

В буквальном же прочтении cogito ergo sum вызывает устойчивое впечатление паранойи...

Нервно хожу по улицам, слепо гляжу на афиши, искры трамваев и небо (порою и небо видится мне). Что я без этого солнца, мой единственный одувачик? Что я без этого солнца... Я опускаю руки словно тебе ласкаю, “боже, шепчу, послушай... что я без этого солнца?..”

Знаешь, вчера я разговорился с пожилым воробьём, и среди всяческой зерунды он сказал мне: “Завтра будет зеркальный туман... завтра будет зеркальный...”

ЗЕРКАЛЬНЫЙ
ТУМАН
Я

Сверху и снизу, справа и слева я вижу свои зрачки — там и здесь, вблизи и вдали, семо и овамо — это мир глядит на меня испытующим взглядом наивных глаз.

Что в твоём жёлтом, что в твоём синем и красном так прельщает тебя? Что тебе в пухе волос её, в свете лица? Что тебе, битый, в зеркальном тумане, он — непонятен, он

Если философия (политика, небо, страсть, зеркальный туман, Ты) — это обман (червь, судьба, Дева Чорная, слова, слова, слова...), то —

Я _ нежно _ скажу _ голубое _ слово
Ты _ невнятно _ уйдёшь _ пустыми _ шагами
Он _ равнодушно _ усмехнётся _ гибкой _ улыбкой
Оно _ странно _ растает _ в мятной _ прохладе
Никто _ никак _ не сможет _ никакое _ ничто

Я _ никак _ усмехнусь _ пустой _ прохладой .

Облако, идущее государством слов, усмехнётся прохладно. Ничто, синезелёное, травяной тенью скользнёт, тронешь — нет. Уйдёт ли, растает ли, скажу, а оно не сможет и улыбнуться. Странная нега вселяет Вселенную, но не разобрать куда. И всё это — так, слово (а если философия — это обман...).

“...Апт! Япт!” —

перекликаются утопленники в море смеха...

В данном случае абстрактные морфемы “апт” и “япт” имитативно воспроизводят восклицания в безвоздушном пространстве.

Точно так же — захлёбываясь! — трепещут в преддверии первой части философемы Декарта эти короткие выкрики: “Я мыслю!” и “Я не мыслю!” а вторая часть философемы объёмлет их как море: “...и, следовательно, я существую”.

Надо признать, что лемма “Я мыслю, следовательно, я существую” не может быть принята за основу систематизации фактов душевной активности уже по одному тому, что она сама же таковым фактом и является. Обобщение здесь происходит за счёт абсолютизации познавательной эмоции, расширения рационалистического пафоса... Но оно синкретично, и в синкретичности своей перекликается с уже совершенно не эмоциональной формулой:

Чтобы убедиться в том, что видимого не существует, достаточно закрыть глаза.

однако брать его за основу систематизации фактов было бы затруднительно. В лучшем случае оно может служить элементом упорядочения, подобно тому, как дата или регистрационный номер могут быть элементами циркуляра. Или же как высказывание Людвиг Витгенштейна “Я знаю, что это моя рука”, являющееся малой составной частью трактата «О достоверности».

Кстати, уже упоминавшийся идеолог афазического стихосложения Евдоким АНАТОЛЬЕВ в одном из своих “двустихий” иронизирует над утвердительностью типа “Я точно знаю, какое сегодня число”, переводя его в тавтологические интонации припоминательности. Вот это двустихие:

*“Дата?
да, это та
дата...”*

20.03.1995

Провозглашённый Анатолевым лозунг “поэтического неприятия времени и текущего информационного потока” был сразу подхвачен М. Богатырёвым, предложившим читателю ритмическое, виршевое изображение раздела “редакционная почта” в политической газете:

эна трамп

Железные ангелы-2

Дочь Дождя Кирпича поехала на бал. Её отец долго смотрел ей вслед, а потом вернулся домой. Дел у него было немеряно. Он засел писать письмо своему старинному дружку, с которым некогда вместе бороздили просторы Тихого океана, а теперь дружок осел на Гавайских островах. Письмо должно было отправиться с утренним почтальоном. “Я слышал, вы там никогда не одеваетесь. Так и ходите голые и счастливые, и мяса вам жрать нужды нет. Прислал бы хоть ящичек бананов когда-нибудь. У нас тут всё по-прежнему. Февралита совсем уже стала большая...” — тут письмо застыло, ручка потянулась ко рту: у него была детская привычка изгрызать колпачки. Хотя в доме было полным-полно печенья, которое дочь Дождя Кирпича покупала специально по этому случаю. В этот раз, однако, ручка уцелела, потому что сквозь открытое окно, вместе со свежестью наступившего вечера, в комнату залетел скворец. Усевшись, должно быть, на спинке старинного кресла, он возбуждённо чирикнул и потер ладошки, намереваясь плотно пожить. Пришлось застыть и не шевелиться, медленно-медленно поднимая глаза, чтобы в тёмном стекле напротив увидеть отражение

Настроим флейту души на торжествующий туш! На звон шампанского! На похоронные марши! Умрём в каждом цветке! Вознесём завершенность костлявых ветвей! И вознесёмся в серое промозглое небо!

...сестра... окном серые... бред — там солнце... нарциссы его пламенуют... видишь цветения его — ты не... для ласки твоей, утра твоего!.. был яблоком в твоих ладонях... мне за что, сестра!..

Если всё, что я говорю — блажь, говорю, блик на дне чёрной реки, то где, скажи, то солнце, что бросило его. Каждую ночь в сонной воде — мириады игрушечных звёзд — у мельницы в сонной запруде, но где, скажи, то солнце, что поднимет туман.

Скажи, — я давно брожу в тумане, руками вижу глаза, — их соцветия вянут, я ощущаю их запах, — их коричневый запах. Скажи, говорю: почему эта метель начинается каждый день, — сестра!

Почему я каждый день вижу утро (О, соцветье!), а они нет, сестра моя — знойные руки и апельсиновый аромат истомы.

Он был велик. — Что я могу сказать о нём? Я становлюсь на колени и заглядываю ему в глаза. А он уже ушёл, светясь вихрастым затылком.

Ядумаю о младенце, чьи глаза — комочки зеркального тумана. Чей мир — молочный и новогодний. Чья душа не знает сырости и холода струящегося Времени.

И мне кажется — лишь зеркальный туман.

Говорят, иногда на небе можно увидеть серебристые облака. Говорят, облака похожи на зверей. От дождя защищают капюшоны и зонты.

Дождь ли несёт нам мудрость?

Ячувствую, как во мне кристаллизуется время. Лыдистые многогранники разрезают меня на куски и ноют как зуб, отходящий от новокаина. И по ночам мне снится, что я — снежинка, падающая в чёрную бездну, кувыркаясь и раскачиваясь.

Я бы рассказал о солнце, о пашне, парящей в немой неге, о...

Тело твоё — молодая крапива, обида моего завтра с шагреньвым хо-хоком. Что так радужно в этих пузырях — было? Уже и светящаяся акварель брошена на небо, а он (в искрящихся смешках) был ли? Я долго улыбался на твои ростки, на твой туман, а он (был ли?) проходил в гуттаперчевой загадочности. И отражался?..

Руки мои — молодая крапива, не прячься, не фырчай, не ёжься, — не все мыльные пузыри лопнули ещё, он пускает и пускает их. Соломинка в губах его, вкус утра — травяной и мятный.

Кто сказал об археоптериксе? Он вымер, вымер! — никто не носит его в грудной клетке, зачем вы говорите о нем?! Никто не помнит его зубастый клюв, драконьи крылья! — интересно, смешно (Крапива — ровесница его, родственница, иероглиф, но и она...).

Летней ночью цветёт она, летней ночью, когда звёзды — мыльные пузыри, а чёрные деревья щерятся ископаемыми осками. Летней ночью у чёрного пруда, у мельницы, опрокинутой в запруду...

Мне сказал ночной мотылёк, улетающий на звезду: "Утром будет зеркальный туман... утром будет зеркальный..."

Внимаю жасминовой ласке,
круженью душистых объятий,
и вдруг ощущаю —
с опаской! —
мохнатым шмелём себя
и
жужжащим олицетворением
анализа
черчу скаженную спираль —
О, моя коричневая сестра
в тени
жасминового листа!

О, соцветье распускающегося утра! знойные руки и апельсиновый аромат истомы. Мы знаем времена и смену их, мы знаем ярость и боль — нам дана мудрость.

Но кто расскажет о множественности цветов в сиреневых гроздьях неги? О множественности отражений сверху и снизу? О бессмертии шмеля в бесконечном цветении?

В узилище сна
и плоти,
Плоти и сна
слёг подбородок:
— Я рта
не могу нести...

Падал и мял свой наряд
Сенешаль рдяности.

Руки воздев как вёсла
В уключинах лодок,
Саломея ольховника

вздогнула, не смеясь.

Расточались объятья.

К запысьям приникли её сыновья —
Ястреб и дятел.

А в зеркале озера
молча дышал язык.

Дрожь билась в камуз. И
Рупор осени
вторил музам
беспамятства.

Именно "беспамятство" здесь является ключевым словом, позволяющим связать эту ритмически организованную словесную картину с картезианской моделью эгоизма. И действительно...

...хотя утверждение типа "Я точно знаю, какое сегодня число" и не содержит в себе столь выраженного противоречия, как "cogito ergo sum",

Что это за надписи?
Что за даты?
Я читаю
подпись пожилого солдата

Что это за подписи?
Что за шифры?
Я читаю
Дата почему-то в три цифры

Что это за сводки,
бюллетени, депеши?

Я листаю
"конных переделывать в пеших".

Вот они, свидетельства
серьёзного мира
Я листаю
Справочник владельцев эфира

И всё хорошо.
Всё как прежде.
Бейте, душийте, режьте!

Её отец спал в холле, сидя за столом; настольная лампа ещё горела. Она хотела проскользнуть в свою комнату, но у самой двери заколебалась. Ни к чему зря тратить электричество. Повернувшись, она на цыпочках прошла обратно. Дождь Кирпича спал. Прежде чем щёлкнуть выключателем, она бросила беглый взгляд на стол через его плечо. На столе лежал лист бумаги и шариковая ручка с отвратительно изжёванным колпачком. “Друг мой Костя” — было написано на листе. И всё. Ещё несколько листов, скомканные, валялись на полу. Значит, опять. На него время от времени находило, и он изводил кучу бумаги, а толку? У него и адреса-то не было. Да и Кости никакого не было, вдруг рассердилась она. Но это была неправда. Костя был. Только его звали не Костя, а Сергей Палыч, а Костя, как объяснил ей Дождь Кирпича, — это герой старинной рыбацкой баллады. Она сама помнила большие сильные руки, которые поднимали её к самому потолку, — высоко, гораздо выше, чем отец. Ей было тогда лет пять. А они с отцом служили во флоте. Она жила тут с мамой, в этом доме, пока они плавали — по три и шесть месяцев. Потом всё переменилось. Мама ушла к этому Косте, и они вообще куда-то уехали. Обещали писать. И приезжать тоже.

Персик! — вдруг пришло ей в голову. Захотелось смеяться. Вместо этого она решительно погасила свет. Солнце уже заглядывало в дом. Она зевнула. Никакой не Персик, а Февралита, спать я пошла.

— Что такое!!! — В руке у него была пила-ножовка, он держал её с видом человека, который ни перед чем не остановится.

Феличита проснулась. Но сон продолжался. Яркое солнце заливало комнату, лепя её по своему образу и подобию; посередине, как живой, стоял Маруся, весь в розах, а сзади, в дверях — отец. Они смотрели на неё. Она лежала поверх покрывала во всём блеске своих девятнадцати. В одних трусиках.

— Кто такой? — спросил Дождь Кирпича страшным голосом.

— Это?.. — Она и не подумала укрыться. В другой раз. — Хромой Маруся? — сказала она, жмурясь.

— Марат, — сказал Маруся. Он не сводил с неё глаз. — Нога у меня уже зажила.

— Откуда он взялся?!

— Не знаю! — Дочь Дождя Кирпича склонила щеку к плечу, что должно было означать их (плеч) пожатие. — Он был на балу...

— Так, — сказал её отец. — Значит, вы познакомились вчера. На танцах...

— Папа! — Фиолента села. — Сколько раз тебе говорить, — заметила она с досадой. — Танцы — это там, у них, я таких сборищ не посещаю.

А ты сам шесть лет платил балетмейстеру...

Предисловие автора

Эссе “Зеркальный” — попытка заявить новый способ осмысления мира, своеобразную философию. Это не материалистическая или идеалистическая философия, не мифология (что ближе), но философия поэтическая. В отличие от традиционных философий, опирающихся либо на подмену вещей понятиями, либо на манипуляции с терминами, взаимно определяющими друг друга, либо на описание идей, персонифицируемых при помощи сюжета, философия поэтическая отталкивается от двоякой сущности самоценного слова, включающей в себя образную грань и отвлеченное качество, и тем самым задает цельное, гармоничное восприятие мира. Живое слово как одухотворённое начало если не мира, то, по крайней мере, осмысления мира.

Здесь, в компактном тексте представлено множество граней бытия — взаимоотношение человека и мира, время, непостижимость, любовь и страсть, старение и младенчество; и в конце концов бессмертие. Однако, и мое истолкование — лишь одно из возможных, нисколько не более исчерпывающее, чем любое другое.

— Укройся!

— Сейчас. — А ты отвернись! — Дождь Кирпича угрюмо наставил пилу на Марусю.

Маруся смерил его взглядом. С таким, как этот, он справился бы одной левой. И даже не вспотел бы.

Повернулись они одновременно. Дочь Дождя Кирпича стояла перед ними. Завёрнутая в одеяло по подмышки, она не походила на персик, тем более — на грушу. Она была похожа на парковую статую Афины Паллады, укутанную к холодам.

— Как ты узнал, где я живу? — спросило это произведение искусства с восхищением.

— Это было очень просто, — подчеркнуто небрежно сказал Маруся.

Розы мешали ему. Он никак не мог придумать, как от них освободиться. К тому же, mother fucker, они были мокрые и кололись. Он подошёл к газону сразу после поливальной машины. А может бросить их на пол? А самому перешагнуть, и...

— Февралита!..

— Что, папа?! Ты же видишь, он пришёл за мной!..

Я думаю о том, что мир — это зеркало, придуманное для того, чтобы овеществлять катаклизмы лихорадящей души. Я думаю о том, что мы — это зеркала, придуманные для того, чтобы одушевить покой остолбеневшего мира.

И мне кажется — лишь два зеркала, обращенные друг в друга, меж которыми идёт дождём Время.

Каким утром, из долин каких чёрных рек начал подниматься этот туман, этот зеркальный туман?

Трагизм солнечного блика, бьющегося меж зеркал. Отчаяние солнечного блика, запутавшегося в серебряных нитях дождя. Ужас солнечного блика, мечущегося в тумане над чёрной рекой. Сеточка инея оплетает твоё лицо за окном. Каждый день в замысловатый вензель встраивается новая искрящаяся чёрточка.

О, как изящен этот портрет!

Конец. К половине пятого всё было уложено, то есть уложено. Сложено, собрано и упаковано. И гвоздями забито. Дождь Кирпича закрыл дверь. И подошёл к окну. Первым из-за угла вышел Маруся, и Дождь Кирпича злорадно усмехнулся, увидев, как юный бог сгибается под тяжестью двух огромных чемоданов, туго набитых барахлом. Дочь Дождя Кирпича появилась следом. Вдруг она остановилась и хлопнула себя по лбу. Дождь Кирпича поспешно отошёл от окна.

Дочь Дождя Кирпича вбежала в дом. Её отец сидел в кресле-качалке и кусачками обрабатывал себе ногти. Как ни в чём не бывало.

— Забыла!.. — выдохнула она. — Ты не видел?.. ах, вот где, — она схватила что-то с серванта, глянула в зеркало. Обернулась к нему: — Пока! — и выбежала. Он не стал больше вставать, а просидел в кресле, пока ногти не кончились. Можно было, конечно, сделать ещё педикюр. Ах, Дождь Кирпича! Дождь Кирпича.

бесцеремонного гостя. Письмо опять останется недописанным. Почтальон завтра уйдёт пустой.

Тем временем дочь Дождя Кирпича в своём бужоловом? или грюжоновом? — в своём баржовом платье отплясывала кекуок. На балу она познакомилась с Хромым Марусей. Они разговорились. Из разговора она узнала, что Хромой Маруся ветеран войны в Афганистане, что однажды его укусила ядовитая змея, что он любит цыган и не прочь позабавиться. Он не был похож на ветерана: у него был ясный взгляд и открытая улыбка. Они целовались до утра на окраине, где начинались обнесённые заборами частные владения, трижды им пришлось удирать от охраны, среди яблонь заливал соловей, и Маруся стал как помешанный. Он стоял перед ней на коленях. Он хватал её за пенджабовое (о чёрт! Поди разберись в женских модах!) платье. Но больше она ему ничего не позволила. Даже не позволила ему проводить себя. А рассвет был что надо! Ноздри её трепетали, как будто хотели втянуть всё до капли, а ноги в белых лакированных шлепках, время от времени вспоминая какое-нибудь место из станцованного: па! па! Она набрала в грудь столько воздуха, сколько было можно, и расхохоталась — раз, потом другой. Персик! Она ему сказала — её зовут Персик!..

Вот и дом.

Дождя Кирпича разбудил удар в дверь, от которого задребезжали все стёкла на первом этаже — удар был нанесён ногой. Дождь Кирпича вскочил со стула, опрокинув его. И оцепенел. На пороге стоял юный бог. Тёмно-русые волосы образовывали сияющий ореол вокруг загорелого лица, оттого что солнце светило сзади. В руках у него была огромная охапка разноцветных роз, с них капало на пол.

Или в глазах у Дождя Кирпича потемнело? Или оттого, что солнце светило сзади? Может просто спросонья. Спросонья он не разобрал, что тут к чему. Сердце у него стукнуло, замерло, и стукнуло ещё два раза. Что оказалось ему спросонья? Спросонья? Ну конечно, спросонья.

Юный бог разомкнул уста.

— Салам, папаша, — сказал он простуженным голосом. — Я за вашим персиком. — Роняя розы и наступая на них высокими ботинками армейского образца, он прошёл к дверям, и через минуту его шаги загромыкали по лесенке, ведущей вверх. Тут Дождь Кирпича пришёл в себя.

Глаза его метнулись по комнате. У камина стояла кочерга. Кинувшись, он схватил её, но тут же отбросил: нужно было что-то посушественнее. Кирка, лопата, топор?..

Хлопая дверьми, словно ураган, Дождь Кирпича пронёсся по дому, взлетел на второй этаж и ворвался в спальню с криком:

2

Вам, герои без о —
на подношение лиц идущие слепо
в распахнутую секунду
поглаживая морщины
умерших предков
рвущихся на свободу
и примерзая подошвами
к каждому слову, все что имею —
Вам, герои без о —
как сухостой
пущенный в землю
не сжившийся с почвой, которая давит
чертополохом —
лишь ногами по ветру
желание плыть оставляет
и приспособливает
к звону цимбал -
все что имею
весь алфавит возлагаю
к корням

Сентенция номера Александр Елсуков (Санкт-Петербург)

В первой фазе творческого процесса необходимо ощущать... ...22_{/2}

Александр Ле (Солнечное) **Постоянная игра на рояле**

с иллюстрациями Митрича и БогатыРя (Париж) из архива редакции

(«Стетоскоп» №9 в парижской нумерации).....23_{/2}

При оформлении номера использованы рисунки авторов.

4

На изваяние
четы ветров
уверовать
песочным знаком —
вниманием
глаз заресниченных
по мелководью
в хвойной прелости
и
колченогим мхом
разбухшим
пряником весны:
когда-то
333 бархана
покрылись
влажным шелком снега
старухости
бормочущей соседям
и невеселий
с привкусом
сосны...

Клац,
Клац

В настоящее время на студии Димы Артёмовко (Париж) записывается CD «Праздник русской авиации», в который войдут песни Хвоста, Богатыря и Кирилла Тера.

«Хвост... хвост... навяз уже в зубах... вчера грузили с ним картон в доме грузина и я вспомнил о его жиличке... змейкой юркнула в сторону реки Занги... а ведь была вполне уместна!
...вириши нуждаются в **усиленной** редакции.»

Музыку, тексты и живопись можно грузить на сайте <http://stetoskop.da.ru>.

Дмитрий БУЛАТОВ РАДИОПЬЕТЫ # 2

Чуть до того
как дернет лапой с перепугу
кошачий сон
крадется стороной
сведенными чернилами
в бумагу
подушкой следов
подточенной
мышинными молитвами
по направлению к шкафу —
коготками слова
в зашкафной кутерьме
туда где кто-то объяснил что в темноте
лихие мысли словно ночью светляки
слетаются в изустье самки —
чьи-то двойники
мерцают в отпечатках тел
истраченных
при переходе за предел чернил

Здесь
начинается
номер 3 1/2
«три с
половиной»

Содержание журнала «Стетоскоп» за номером 3 1/2 («три с половиной»)

Дмитрий Булатов (Калининград) Радиопьеты # 2.....	1/2
Александр Очеретянский (США) О смешанной технике.....	8/2
Евгений Горный Журнал «Черновик» как явление русского (пост) модернизма /с поправками А. Очеретянского и вступлением М. Богатырева/.....	10/2
Сентенция номера Александр Елсуков (Санкт-Петербург) Чем дальше вглядываться в предмет.....	14/2
Владимир Васильев (Екатеринбург) Как сделать поэтов богатыми /с откликом З. Гржебина из письма к М. Горькому/.....	15/2
Дмитрий Булатов (Калининград) Russian folk noism department /Пояснение к аудиоприложению журнала — сонорной поэме «Ночная песнь рыбы 2».....	20/2

Пора попробовать на вкус
сырые комья ночи —
тору
деревьев вздыбленных до снега
и увязающие руки
в твоей смоле
чтоб хрустнув
цоколем запястий
переосмысленный телеграфист
метнулся в улицы изнанкой
своих шагов —
созвучно аппарату
и черно клича
отстучал бы самого себя
из ничего
и отослав на повседневную границу
где сторона способная
перемолчать —
снял китель
отшвырнул фуражку выбросился
вне

3

Остепь! Без пробуд
внутренности
полуденного сапога —
пылая
верблюжьей колочкой
за шиворотом
двугорбое солнце
пялится
в горизонтальный
колодец;
Эй! Тоногэн бахруч!
Рыжью вспьлит или
выплюнет?
Осталось гадать
на косточках
когда-то ногой конницы
причины полета
и вбрасывать
зубов перезрелые зерна
в глазницы
остепеневшие...

На Западе, хотя и диком, но вполне цивилизованном, уже где-то с начала 50-х гг. нашего столетия, грамотные люди имеют представление о Sound Poetry, Vizual Poetry, Semiotic Poetry, Performance Poetry, Shaped Poetry, Typewriter Poetry, Concrete Poetry, Vacuum Poetry, etc.; Vizual Art, Correspondence Art, Computer Art, Xerox Art, Conceptual Art, Comic Strip Art, etc.; Experimental Text, Fragmented Text, Conceptual Text, Cancelled Text, Tautologic Text, Alphabetical Text, etc.; Vizual/Verbal, Letter Picture, Permutation, Micrography, Onomatopoeia, etc. & etc.

Все вышеприведенные обозначения, согласно принятой классификации — я отношу к «смешанной технике» (термин, он же — рубрика, введенная мной в ЧЕРНОВИКЕ с 3-го выпуска (1990).

В Европе, Америке, Канаде, Австралии, Англии, Бразилии, Японии имеется немалое количество журналов, где публикуются материалы по каждому из приведенных выше разделов. Чаще — некоторые из них. Значительно реже можно встретить журнал, посвященный непосредственно какому-то одному из разделов. Как правило, такой узкоспециальный журнал выпускает группа поэтов/визуалистов/арт-истов, объединенных на данном этапе какой-то одной, интересующей их идеей.

станешь концессоры? Убей Бог, сейчас проще купить новый трамвай, чем найти концессоры к старому.

— Нет, Вы как хотите, я не настаиваю, — вдруг обмяк продавец, — Мне кажется, что этот товарищ гораздо больше понимает в этих вещах, — и он вопросительно обернулся к Небогову.

— Ну что Вы! — смутился Иннокентий, — Да и где же я достану эти самые концессоры?

— Ерунда всё это! — занервничал продавец, — вот сейчас же пойдем и достанем.

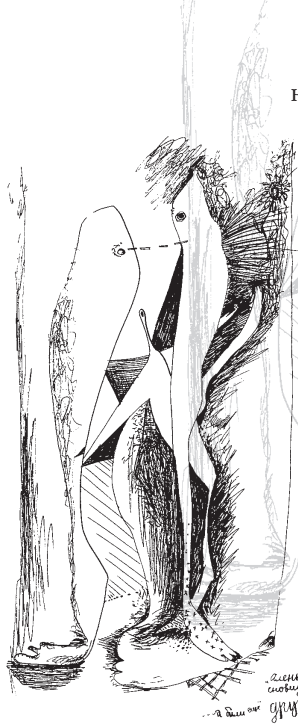
И они отправились на завод искать там какого-то Евгеньича, мастера по сантехоборудованию. Но Евгеньич, похоже, утратил всяческую материальность, он постоянно оказывался где-то в другом цехе, не пропадая из вида, но и не даваясь в руки. По баррикадам, дебаркадерам и бардаку индустриального пейзажа метались Иннокентий и продавец некомплектного трамвая, пока за стеклянной дверью...

За стеклянной дверью как будто бы кто-то стоит, сомнительный от бликов. Иннокентий открывает дверь, а там —

Иннокентий растерянно переминал ладонью жёлтые окатыши, женщина подхватила его под локоть, прижавшись грудью к предплечью, и увлекла в комнату. Дочка лежала в постели и внутренне готовилась ко сну. Пристраивалась душой к небытию.

Иннокентий вышел из комнаты и успел заметить, как женщина мелькнула в дальнем конце коридора. Жёлтый свет плыл и плавился на лампах дневного света. Иннокентий побежал было за этой стервой, но передумал. Он медленно двигался по коридору, черты пальцем по стене. Палец оставлял след и становился всё короче, словно кусок мела. Иннокентий остановился, “нет, так не может быть”. Он зажмурился, потряс головой и посмотрел на палец — всё было в порядке.

“Как там дочка?” — подумал он. — “Не плохо ли ей?” Он вернулся в комнату и притронулся ко лбу ребёнка. Дочка встрепенулась и заперекатывала головой по подушке. Лоб был горячий. “Сволочи!” — бросил Иннокентий женщине, но та растаяла в неверном жёлтом свете, словно ее и не было. Иннокентий выскочил в коридор и бежал по коридору.

никого. Он проходит дальше, по коридору, он входит в комнату...

Ребёнок испуганно отворачивается к стене и косит на него из-за плеча. “Что ты, что?!” – “Я боюсь тебя... Я испугалась. Я думала, ты мёртвый...”

Извини, милая, как-то так получилось. Я совсем не хотел, я не знаю, как я буду без тебя. Наверное, ты права. Наверное, я уже мёртвый, но стараюсь не думать об этом... Я думал, что я живой. Но нет даже внутреннего кармана. Нет его! Автоматчики бегают где-то рядом и переговариваются неслышно. А эти гибели, эти смерти – ни фотографии, ни брата, ни креста в ночном окне. Только что-то клацает за стеной, кто-то бьёт по незвучным клавишам рояля и смазывает перспективу. клац, клац.

*Аленький цветочек
наблюдается для Габриэли.
...я вижу что
друзья
друзья...*

Настроив музыкальный инструмент
на изморось —
расплеснутую бровь
столовым серебром поземки
вертящихся гостей
и расцарапанным зверьком
взяв ноту «стынь-нь-нь»
на струнном феврале
смычок промолвит многомерный поддень
ломающийся в пояснице
где
от глаз в глаза разбрызнет постыдью
отловленных зрачков
чреватых инеем,
теней крадущихся по камню
снегошерстно —
лишь поло зазвучит
ея расплеснутая бровь
изъезженная
неторопью снега...

– ...ну, за такую цену я ни за что не куплю!
– Да нет же, Вы посмотрите внимательнее, он ведь очень прочный и будет бегать ещё лет пятьдесят. Ни одной пластмассовой детальки, ни одной резиновой прокладки – чистый металл!

– Но ведь он может ездить только по рельсам. Подумайте сами, зачем он мне? У моего дома нет рельсов.

– Это отдельный разговор. Я думаю, что я смогу помочь Вам в этом вопросе. Конечно, рельсы нынче дороги, да и достать сложно, но у меня есть знакомые...

– Извините, – вмешался Небогов, – а как дорого Вы его продаёте?

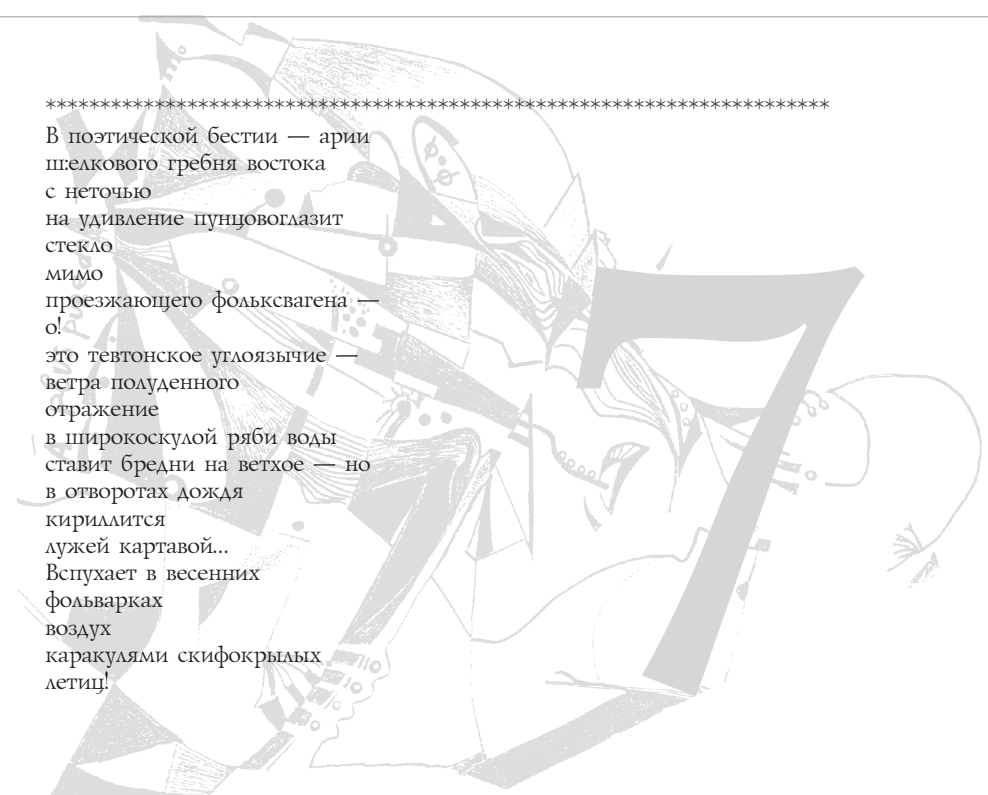
– По нынешним временам это совсем не цена. Семейные обстоятельства вынуждают меня искать избавиться от него, а ему цены нет. Это сейчас, а после войны это будет просто золотая жила.

– Но ведь у него нет концессоров, – вмешался в беседу покупатель, – А где сейчас до-

*Ната истребительница
выпол из создаваемой полонии.*

В поэтической бестии — арии
шелкового гребня востока
с неточью
на удивление пунцовоглазит
стекло
мимо
проезжающего фольксвагена —
о!
это тевтонское углоязычие —
ветра полуденного
отражение
в широкоскулой ряби воды
ставит бредни на ветхое — но
в отворотах дождя
кирилится
лужей картавой..
Вспухает в весенних
фольварках
воздух
каракулями скифокрылых
летиц!

Александр ОЧЕРЕТЯНСКИЙ

Поправки к восьмой главе доклада Евгения Горного
«Журнал «Черновик» как явление русского (пост)модернизма»

ДЕНЬГИ в КАРТИНКАХ и ЧИСЛАХ

От редакции:

Мы исходим из того принципа, что в исключительных случаях предмет искусства могут быть даже и финансовые расчеты. В предлагаемом Вашему вниманию материале фигуры издателя журнала «Черновик» А. Очеретянского и его историка, филолога Е. Горного, связаны сложным отношением взаимного комментария. Добавляя сюда наши собственные замечания, мы оказываемся невольными свидетелями того, как все смыслы и их значения переплетаются, словно змеи на жезлах орфиков.

О способе построения фабулы: оставив в стороне предысторию вопроса и аргументы, подтверждающие чисто эстетическую значимость полемике между А. О. и Е. Г., мы попытались смонтировать трехэтажную конструкцию (sic! — любопытная опечатка), состоящую из а) финансового обзора, сделанного Е. Горным, б) уточняющей записки А. Очеретянского и в) визуального изображения досадных неточностей обзора. Для этого использованы графические работы Анны СТЕПАНОВОЙ из серий «Позы» и «Вахханалии».

Михаил Богатырев

большой — 1000 экземпляров, а система распространения налажена не была, расходился 8-й номер плохо: в Москве удалось продать не более 400 экземпляров. В дальнейшем «Черновик» распространялся через такие магазины, как «Гилея» и «На Поляне» в Москве и «Дом Книги» в Петербурге. Хотя Очеретянский не раз заявлял, что, по его мнению, «Черновик» без труда может собрать порядка пяти тысяч читателей, попытка поднять тираж с 2-3 сотен экземпляров хотя бы до тысячи успехом не увенчалась.

Тираж следующего, 9-го номера составил 750, а 10-го — всего лишь 300 экземпляров. 11-й номер, готовящийся сейчас к выходу, также выйдет тиражом 300 экземпляров и будет распространяться исключительно по подписке. Таким образом, издатели альманаха отказались от курса на «демократизацию» и вернулись к вольному или невольному «элитаризму».

По их словам, издание «Черновика» никогда себя не окупало: с начала своего существования и вплоть до последнего времени, когда себестоимость экземпляра возросла до 5 долларов, «Черновик» держался исключительно на энтузиазме и деньгах его издателей и авторов.

да, кажется, и любви тоже. Иннокентий Небогов был измотан, он смотрел в пыльный угол, потому что ему не хотелось смотреть в окно, за которым изнемогало жёлтое солнце. Ему не хотелось смотреть и в долготу коридора, ветвящегося и прячущегося за поворотами и изгибами, напоминающего в неверном вечернем свете склеротические вены изнутри. Жёлтый свет терялся в загогулинах коридора, придавая ему вид пустынный и — обжитой одновременно, свет материализовался в неправдоподобные фигуры животных и людей, по коридору разносились обрывки их разговоров и короткие, неестественные смешки.

Там, по стенам, висели стенды с параграфами стихотворных уставов, как то: "Проживая между нами, не сорите под ногами... Быв прописан среди нас, забудь пиво, люби квас... Повторю тебе, скотина, — не тащи к себе дивчину!.." и так далее. Иннокентий двинулся вдоль стены, прочитывая эти и другие строки. Он встречался с людьми знакомыми и как бы не очень — как обычно бывает в обыденной жизни. Потом он остановился и нацарапал под стендом обгоревшей спичкой, валявшейся тут же, следующие слова: "Мне кажется, что мы жи-

(У Иннокентия во внутреннем кармане зачем-то хранилась фотография брата. Брат был запечатлён среди кустов малины, летом, у бабушки, он был в коротких штанишках и с пятнышком в уголке рта. Сын до странности походил на брата — это, с фотографии.)

Сын неловко переставлял короткие ножки. Он недавно выучился бегать, выучился по принуждению и не получал удовольствия от этого занятия. Тем более что бежать приходилось вдоль по насыпи — от полотна она уходила резко вниз, в сторону широкой и глубокой канавы, наполненной водой, ноги соскальзывали, бежать приходилось почти гуськом, и Иннокентий уже подумывал остановиться для передышки, когда навстречу им по рельсам надвинулся стремительный товарняк, угрожающе пыля по сторонам. Иннокентий отпрянул в сторону.

Ребенок безмолвно — из-за грохота состава — упал на бок, скатился в глубокую канаву, наполненную водой, и стал медленно погружаться. Вода была на удивление прозрачной, но дна не было видно. Иннокентий, опасаясь потерять равновесие, осторожно обернулся и увидел, как сын, увлекаемый

12

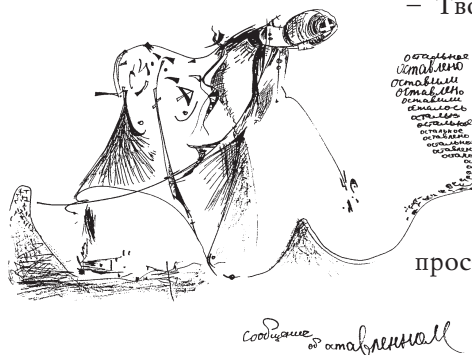
вём почти два часа. Мы, видимо, больны – у нас лезут волосы. Ты думаешь, что вечный, потому что – талант. Но и тебе в окно тарасится тысячелистник-мутант.” Это получился параграф двадцать пятый (§ 25). Иннокентий задумался, нарисовал стрелки между “мутантом” и “талантом”, потом стёр.

К нему подошла женщина – нет, Иннокентий не знал её, но вроде бы боялся. Ему казалось, что женщина может вцепиться ему в лицо и он отстранялся, но одновременно с тем ощущал мучительное желание.

– Твоя дочь сейчас спит. Дай ей это, – сказала ему женщина и протянула сжатую горсть.

– Да? – сказал Иннокентий, и женщина высыпала ему в протянутую ладонь пригоршню таблеток.

– Ей не будет больно. Она просто будет спать, – покивала головой женщина.

инерцией падения, погружается в глубину, глядя на него широко раскрытыми глазами. “Сейчас он начнёт всплывать,” подумал Иннокентий и изловчился поймать сына в момент всплытия того на поверхность. Состав грохотал. Погружение замедлялось.

От напряжённого ожидания Иннокентий Небогов почувствовал, что вот-вот выскочит на поверхность сна. Движение было вверх, и Иннокентий с досадой понял, что его движение быстрее, чем только что начавшееся приближение сына к поверхности воды.

Был поздний вечер. Небогов понуро сидел в дальнем конце коридора, у окна, за которым изнемогал жёлтый вечер. Пейзаж был смазан. Невнятно, где-то играл магнитофон. За этот день Иннокентию пришлось перетерпеть множество всякой гадости – смертей, крови, насилия, недопонимания, бестолковости, ужасов, раздумий, испугугов, любви,

Так, к примеру, я встречал журналы, посвященные целиком визуальной, конкретной, перформансной, вакуумной поэзии. Тираж таких изданий обычно колеблется от 300 до 500 экземпляров.

Хочу сразу оговорить тот момент, что я не сторонник копирования 1 : 1 приведенных терминов. Уже не говоря о том, что зачастую это невозможно (язык, менталитет). Достаточно сказать, что «Art» по-английски и в переводе на русский — не одно и то же. Полагаю, объяснять не надо. И вместе с тем то, что во всем мире принято называть «визуальная, компьютерная, звуковая», на каком языке бы ни произносилось — прочно вошло в повседневный обиход. Остается добавить слово «поэзия» — и хоть с этим вопросом проблем нет.

В России из функционирующих в 80-90-х гг. лит.-худ. изданий, выходящих как в метрополии, так и за ее пределами и ориентирующихся на русского читателя/зрителя, — подобному «штукатурству» (по определению первого министра культуры во времена советской власти — Анатоля Василича Дуначарского) уделяли и уделяют внимание единицы.

Такое положение вещей сохраняется и сегодня; при том, что все больше и больше авторов, преимущественно поэтов, обращаются к пограничным жанрам...

Евгений Горный

§ 8. Технические и финансовые аспекты издания

Первые выпуски «Черновика» издатели издавали в складчину. Очеретянский зарабатывал деньги на журнал, работая чернорабочим, какую-то долю вносил Кузьминский. Затем, в силу несходства характеров, они разошлись, и все заботы по изданию альманаха легли на плечи Очеретянского. Общие затраты на выпуск первого номера, вышедшего тиражом 100 экземпляров, составили около 500 долларов. Затем себестоимость одного экземпляра упала еще ниже — до 1,5-2 долларов. Это оказалось возможным благодаря тому, что большую часть работы делал один человек, не требовавший к тому же зарплаты — сам Очеретянский: он перепечатывал все тексты на машинке (позже — на компьютере), делал нужное количество ксерокопий, брошюровал, переплетал... Все у себя дома, вручную. Тираж издания колебался в пределах 100-300 экземпляров. С распространением особых проблем не было: большая часть тиража частным образом переправлялась в Россию, там «Черновик» читался, передаваясь из рук в руки. Проблема, правда, возникала у тех, кто хотел «Черновик» купить: экземпляр продавался по 12,5 долларов, а для нормального русского человека сумма эта казалась запредельной. Начиная с 8-го номера «Черновик» печатается в России. Поскольку тираж был

Чем дольше
вглядываться
в предмет, тем
более
непреодолимой
представляется
пропасть, разде-
ляющая его
внешнюю,
осязаемую
сущность и
"действитель-
ную", "под-
линную" суть.
Это ощущение
наверняка было
знакомо средне-
вековым физио-
логам, обречен-

ным
тол-
ковать
процессы
в организ-
ме на осно-
ве книжных
знаний и

абстракт-
ного анали-
за. Теперь
остается только
гадать о том,
что сподвигало
их на умозаклю-
чения о тех или иных
свойствах и особен-
ностях частей тела —
внешние формы,
угадывающиеся из-
под одежд, или до-
гадки (предрассуд-
ки), относящиеся
к "подлинной", сущ-
ностной при-
роде предмета
исследования.

жённо наблюдая за тем, как его попутчик погружается в глубину, затем вновь так же вертикально и так же медленно поднимается вверх, но на этот раз уже не достигает поверхности воды, как он движется всё медленнее и медленнее, пока совершенно не застывает на некой, только ему понятной глубине. "Всё," сказал водитель грузовика. "Да уж," откликнулся Иннокентий и наконец посмотрел на своего собеседника. Водитель тоже обернулся к Иннокентию и недобро посмотрел на него. Иннокентий почему-то подумал, что они одни в низине, как Каин с Авелем.

Водитель нагнулся, не отрывая тяжелого взгляда от лица Иннокентия, и нащупал большую угловатую каменюку на дороге. Иннокентий резко отскочил в сторону, но споткнулся и упал навзничь. Мужчина надвигался, он явно намеревался запустить булыжником прямо в лоб Небогову. "Нет!" — закричал Иннокентий, пытаясь закрыть лицо ватными от испуга руками.

Иннокентий Небогов бежал вдоль железнодорожного полотна, увлекая за собой сына, который спотыкался, неловко переставляя короткие ножки.

стихотворений, содержащихся в сборнике / чтобы не повторялись автографы/. Итак, перед нами единственное издание авторского «самиздата» / или с помощью издательства, что позволим делать эти сборники более живописными по внешнему оформлению?/. Коллекционная книга, 30–40 экз. на весь мир, к тому же и с коллекционным автографом стихотворения. В силу этого уже сегодня стоимость подобной книги может достигнуть до 100 долларов США. Тем более, через 70–100 лет стоимость подобных изданий может подняться еще выше. Определенная рекламная компания позволит создать круг коллекционеров подобных сборников. Когда за 20 лет в оборот выйдут до 4–10 тысяч наименований подобных сборников стихов — их коллекция станет внушительной по размерам и это в свою очередь привлечет в эту сферу коллекционирования много людей. Придет время когда сборники изданные свыше 10 лет назад станут продаваться на аукционах. А сегодня для реализации этого проекта нужно немалое: по 1 книгопродавцу в 5 разных странах. Надо чтобы эти книгопродавцы не теряли интереса к этому делу в течении 20 лет. Суммы от продажи таких сборников можно распределять так: 20% книготорговцу, 80% — автору. В эту систему книготорговли для коллекционеров редких книг автор может войти лишь если сможет представить сразу 2 сборника по 40 стихотворений. Иначе любимым и откровенным каллиграфички полезным в это дело в большом количестве. Уникальность подобного «самиздата» / или обычного издания? / должна обеспечиваться требованиями, что каждое конкретное стихотворение в такого рода сборниках публи-

вершено не замечал, он говорил всякие глупости, болтал себе невесть что, вдохновенно жестикулируя. Автомобиль приблизился, резко взревел, Иннокентий подался в сторону и отвернулся, чтобы уберечь лицо от грязи. Когда он обернулся обратно в сторону дороги, всё уже стихло. Грузовик стоял неподалёку с заглушим мотором, а попутчика рядом не было, судя по всему автомобиль отбросил его в сторону, потому что в тот момент, когда взгляд Иннокентия наконец нашёл его, тот отрешенно погружался в воду. Подошёл водитель и встал рядом. Они стояли и заворуженно созерцали, как опускается на дно тело мужчины. Вода была совершенно прозрачной, а мужчина погружался вниз сосредоточенно и вертикально. "Сейчас всплывать начнёт," сказал шофёр. "Да, всплывёт, а там, глядишь, и выплывет," откликнулся Иннокентий. И действительно, погружение мужчины замедлилось, потом совершенно прекратилось, а затем, он начал подниматься. Глаза его были открыты, но выглядели неживыми, они были мутными и остановившимися. И вот голова мужчины выскочила на поверхность, на мгновение задержалась и вновь ушла под воду. "Теперь всё," вздохнул водитель. Иннокентий промолчал, напря-

”друзья добра”
название непонятного
индийского фильма

А. Очеретянский:

В § 8 «Технические и финансовые аспекты издания» — одна только фантастика. Художественная. Первый выпуск был 500 экземпляров. Стоимость 3500 долларов. Платили мы с Меломедовым Владимиром пополам. 2-й и 3-й — тираж 300, стоимость 1800 долларов, платили пополам с Меломедовым. Начиная с 4-го по 7-й — тираж 200 экземпляров. Стоимость 1200 долларов. 4-й — шесть авторов дали по 100 долларов, всё остальное — Ваш покорный слуга. 5-й — пять авторов дали по 100 долларов, оставшуюся сумму — опять-таки я. 6-й, 7-й — я оплачивал из своего кармана. 8-й, 9-й, 10-й — вышли в России. Тираж восьмого — 1000. Стоимость 500 долларов. Тираж 9-го — 300 экземпляров, стоимость 1000 долларов. Тираж 10-го — 300 экземпляров. Стоимость 1500 долларов. 8-й, 9-й, 10-й — я оплачивал из своего кармана. Журнал не набирался на компьютере, все 10 номеров я набирал на наборной машинке IBM Selectric 2, собственноручно макетировал вручную. Уточню: на издание 4-го и 5-го выпусков «Черновика» по 100 долларов прислали Давид Шраер-Петров, Анри Волохонский, Борис Фальков, Андрей Тат и Геннадий Кацов. Сия помощь, не являясь решающим моментом в плане финансирования издания, все же помогла мне преодолеть существенные материальные перебои периода 1990/91 годов. Журнал не переплетался дома, печатался и переплетался в типографии. Кузьминский никакого отношения к оплате издания никогда не имел. Себестоимость журнала никогда не была ниже 6 долларов за экземпляр. Продавался он за 10 долларов экземпляр. В России «Черновик» продавался не за 12.5 долларов, а за 2 доллара. Все это пишу для того, чтобы хоть где-то (хотя бы на бумаге) существовала истина в первой инстанции.

КАК СДЕЛАТЬ ПОЭТОВ БОГАТЫМИ

Разношерстная публика занимается стихосложением! Ее можно классифицировать: 10% — простодушные любители, 89% — самоуверенные или надутые тщеславием ремесляки. И только собственно поэты составляют не более 1%, а возможно и намного меньше. Признак любителей и ремесляк: бесплодность творчества, бесцветность творений и неопределяемая глубина и тупость в личной жизни и судьбе.

Признак поэта: содержательность личной жизни и судьбы, явное присутствие ума или чувства во многих стихотворениях, как правило — плодотворность. По моим данным за последние 100 лет в России только 10 авторов написали свыше 1000 стихотворений, только 4–7 авторов написали свыше 3000 стихотворений. А все прочие, приблизительно 20 тыс. авторов, в среднем написали около 400 стихотворений.

Поэты — самая низшая группа в обществе. Как их можно сделать богатыми и при этом независимыми от издателей, спонсоров и абсолютной тупой безвкусицы разнообразных комиссий по литературным премиям?

Для этого необходимо реализовать нижеизложенный проект.

Авторы выпускают свои стихи сборниками. В сборнике от 30 до 40 стихотворений. Каждый экземпляр сборника нумеруется. В каждом экземпляре имеется автограф одного из стихотворений сборника. Напротив, будет естественно, если в экз. № 5 автограф воспроизводит стихотворение № 5. Тираж каждого сборника соответствует количеству

10
Книготорговцы, которых заинтересует данный проект организации серии для коллекционеров книжных редкостей, могут обратиться к организатору этого проекта в России:

Россия
620034 Екатеринбург а/я 73,
Черепанова 12-350,
Васильев Владимир Ильич

STOP NEOISM Russian folk noism department

Предлагаемая инсталляция Дмитрия Булатова (Книгсберг, Россия) «STOP NEOISM!» представляет из себя 3D-sound поэму (аудиокассета, данные по записи см. ниже). Предполагается, что к ней должна прилагаться майка с сетевым слоганом «Everybody is a star in the contemporary art zoo» («Каждый человек звезда в зоопарке современного искусства»).

Будучи визуальным и акционным поэтом, существующим в системе Международной Сетевой Культуры (International Network Culture), автор в своей работе, рассчитанной на восприятие в контексте существующих сетевых концепций noism, plagiarism и art-strike, стремится связать воедино различные дискурсы, стратегии и позиции, свойственные коммуникационному сообществу.

Одновременно с этим в предлагаемом материале используется соответствующая тематическая конъюнктура с элементами дизайна, актуального некоторым явлениям московской арт-сцены. Три составные части инсталляционного комплекта «STOP NEOISM!» — политика, эстетика и биография.

Выход в политическое пространство (пространство социальных реализаций) позволяет артикулировать и популяризировать авторскую стратегию Русского Народного Ничевочества (Russian Folk Noism), как тотального уравнения любых эстетических величин с помощью различных акционных практик.

ленной отторгнута ныне (с сотворения мира) от нас и постоянная игра на рояле, как бы слышащаяся из-за стены, слышится как бы из-за стены. Смазывает черты любого пейзажа, любой перспективы. И без правильного восприятия постоянной игры на рояле невозможно правильно понять описанное до этого и то, что будет написано ниже.

За окном синела ночь, постепенно выдыхая свою глубину.

Теперь Иннокентий Небогов деловито перемещался по просёлочной дороге, отрешённо выслушивая всякие глупости от случайного попутчика. Попутчик был случайный и говорил всякие глупости, благоглупости. Дорога шла вниз, в низине у обочины разлилась лужа, лужа было большая, просто огромная, даже не то чтобы лужа, а заводь, запруда какая-то. Попутчик продолжал говорить всякие глупости, но Иннокентий его не слушал, а напряженно смотрел вперёд и под ноги. Иннокентий думал потом: “Может быть, это был мой брат? Где брат мой?..” Так иронизировал сам с собой. Навстречу, с другой стороны низины спускался грузовой автомобиль. Автомобиль приближался, а попутчик его со-

некой воли – постоянная игра на рояле давно смазала конкретные черты движения мысли и даже самого направления движения воли. Постоянная игра на рояле – постоянная игра на рояле. Постоянная игра на рояле.

Если представить себе музыканта – полуслеплого, костлявого, с шевелюрой из летающих прядей, он движет руками, шевелит узловатыми пальцами, и посторонний, проживающий в обстоятельствах перемещений среди кварталов абстрактных контор и ночлежек убогого быта, – посторонний слышит лишь стук пожелтевших от времени клавиш о сукно инструмента. Если представить себе музыканта как юношу, парящего в вымороженных небесах в пику трамвайно-троллейбусному гоготу внизу, то, видимо, необходимо остановиться и пояснить, что рождение постоянного фона в горних сферах – неуместное дело. Всяк знающий переменчивость атмосферы будет праведно протестовать против такой диспозиции.

Собственно говоря, постоянная игра на рояле как бесконечное событие, происходящее за стеной, не требует музыканта, повторяю, не требует музыканта. Вечная субстанция Все-

я не боюсь возвращаться
1. искусство как множество значений

2. алень
т.е. ступени из неведомого.

судится единственный раз. Серия из 40 сборников в которых одни и те же 40 стихотворений расставлены в разном порядке — не имеет коллекционной ценности. Впрочем, если издания подобного типа вызовут широкий интерес к коллекционированию, можно будет решить вопрос о их повторении, но уже с грифом «издание 2, 3, 4е». Однако последующие издания будут иметь заметно меньшую коллекционную ценность при том же тираже в 30-40 экз. на весь мир. Организация подобной многолетней серии изданий соответствует интересам меценатов, так как при этом они будут приобретать сборники в книжном магазине, а не финансировать наиболее пробытных и назойливых просителей-стихотворцев. Вся история российской поэзии в последние 70 лет, например, убедительно доказала, что наиболее пробытные и преуспевающие авторы меньше всего являются какими-либо поэтами на самом деле.

Книготорговцы или книготорговая фирма должны предварительно подписывать с автором договор в котором предусмотрено, что если автор нарушит права другого автора — украл стихотворение из числа примерно 2,5 млн. опубликованных в России в XX веке, — автор автоматически выплачивает фирме штраф в размере стоимости 5-комнатной квартиры в городе Москве. Это для книготорговой фирмы проще, чем проводить настоящий судебный процесс против поэтического пирата. Никто ведь не сомневается, что если затира возникнет всемирная мода на поэзию и многие поэты смогут стать состоятельными людьми — в поэзию киннет огромная толпа разных мошенников.

«Мы стучимся в открытые двери. Эта идея им так симпатична, что они готовы работать (не участвовать, а работать) вместе с нами, и разделить вместе с нами успех и ошибки. Они, как и мы, видят в этом деле большое культурное значение для жизни обновленной России, литераторов и художников. Они, как и мы, видят, находят, что мы, соединенными силами, принесем как жизни, так и искусству, большую пользу».

(Из письма З.Гржебина М.Горькому, 1905 год)

... В ПЕРВОЙ ФАЗЕ ТВОРЧЕСКОГО
ОЩУЩАТЬ СЕБЯ НЕОБХОДИМО
НЕОБХОДИМО БЫТЬ ПОХОЖИМ
НА ПРЕДСТАВИТЕЛЯ БОГЕМЫ,
НЕОБХОДИМО ПОЧУВСТВОВАТЬ
ПРИВКУС СУМАСШЕСТВИЯ НА
ПРИВКУС ЯЗЫКЕ...

Постоянная игра на рояле смазывает черты любого пейзажа, любой перспективы. Тем более такого серого, по-осеннему влажного, как бывает в ранних сумерках, при въезде в незнакомый город.

Те, кто носит имена великих, или хотя бы мало-мальски известных, предшественников, до известной степени обречены на постоянное их присутствие в собственной жизни. Отсюда множественность имён испаноязычных народов, отчества русских, здесь же истоки потерянности, разливающейся над переименованными городами, и прочее, привязанное к слову. Истинная сущность различий между именами собственными и именами нарицательными заключается в том, что вещь наречённая из себя самой говорит своё имя, в то время как собственное имя – лишь благое пожелание собственнику, исподволь воплощающееся в его самости.

Приятно въезжать в незнакомый город вне ощущения, что это Пекин, Мюнхен или Новокраматорск: вкрадчивое движение за окнами неслитых в контекст обстоятельств труб, заводов и жилых строений поднимает до чувства близости к откры-

себе Иннокентий, “это сон”. По квартире разносились обычные ночные звуки, сквозь которые прорывались слабые аккорды, слышащиеся как бы из-за стены.

Мне кажется, что настала пора пояснить, почему принято считать, что постоянная игра на рояле смазывает черты любого пейзажа, любой перспективы. Не надо думать, что эта тема настолько проста и самоочевидна, как росчерк бледно-серой гуаши на дешёвой бумаге. На самом деле путаница чёрных и белых клавиш, монотония звучания сквозь стену, гротескные акварели в серых тонах и навязчивое желание сменить положение тела для того, чтобы избавиться от бликов, найти точку покоя или, наоборот, не упустить важнейший для понимания сути оттенок, всё-таки – на самом деле. То есть, повторюсь, музыка, подобно крови сочится из расщелин зданий, подобно пару из скомканных туч, подобно Богу – из глаз сосредоточенных пешеходов, и, сочась, – растворяется в том самом эфире, где обрастают наши души, внушая обманчивое чувство очевидности.

Прежде всего надо отметить, что ни в коем случае не стоит воспринимать этот текст как реализацию некой мысли или

другой и, выскочив на середину проулка, метнул гранату. Раздался глухой взрыв и крики. Иннокентий Небогов, замерев, смотрел на происходящее. Только когда рядом с ним проверещала пуля, он неловко упал на бок и закатился за скамейку. Он лежал, зажав уши руками, уперев открытый глаз в сухую травинку, до тех пор, пока не почувствовал пинок в левый бок. Перекатившись на спину, он увидел над собой мужчину с гладкими щеками. Мужчина кричал ему: “...хулдигс, хулдигс, хумус! Одэр кэртэ их ин дих, дэнн майн гуманизмус ист хундэмюдэ!” – “Я не понимаю...” – отвечал мужчине Иннокентий. “О, хэрцлосихккайтэн!” – возопил мужчина и, воздев ногу вверх, устремил каблук сапога на лицо нашего героя. “Нет!” – закричал Небогов, пытаясь защититься ватными от испуга руками...

Вздвогнув все телом, Иннокентий повернулся на другой бок и попытался вновь уснуть. Но левую руку стрекало иголками, ныло сердце и он, непроизвольно массируя затекшие члены, освободился от кошмара и ощутил себя в тёмной комнате с синеватым крестом окна. “Это сон”, утвердительно сказал сам

*1 поездка в самниты
возвращение невзрачно*

*Мысли на фоне "Светлая долина"
Всамолок, Котово Поле...*

Сонорная поэзия и объектный коллаж — лишь некоторые из них. Подтверждая и задействуя имеющуюся на сегодняшний день коммуникационную палитру Международной Сетевой Культуры, диктующую определенную «поэтику» новой функциональности (неоднократно отмечаемые автором в теоретических работах по ничевочеству такие черты, как: а) работа в максимальном интермедialном режиме; б) коллективное мышление и коллаборационное творчество; в) предельная социальная функциональность произведений; г) базисность роли сетевого оператора внимания; д) комплексная работа с социальным контекстом; е) радикализация персонального художественного проекта наряду с осознанием невозможности радикальных решений — застывание статуса; ж) аномализация рыночной системы отношений и т.д.), предлагаемый материал «STOP NEOISM!» по-существу продолжает маркировку различных зон системных невозможностей, введенную практикой noism и art-strike.

На этот раз — через аннулирование персональных знаков коммуникации, предоставляя в распоряжение любому желающему белую майку аутсайдера и поэтическую на сто процентов фонограмму.

Этого, по мнению автора, вполне достаточно для того, чтобы стать звездой в зоопарке современного искусства.

Александр Ле
ПОСТОЯННАЯ
ИГРА НА
РОЯЛЕ

произведения в увертюре, мягко замедляющей ход перед началом основной части, и перрон, покачивающийся в мучительном предощущении завершения и вступления на твёрдую почву повествования о вещах, доступных прикосновению и потому не вызывающих этой неосознаваемой, детской тревоги.

Когда на небе таки распустился алый бутон солнца, в постепенности развеивая туман, скопившийся над городом, Иннокентий Небогов пробудился от тяжкого сна в месте неизвестном, но чем-то смутно знакомом. Это был вокзал, отмеченный уборщицами, муторно перемещающимися по разноположенным плоскостям, в безмолвии, внушающем мысль о том, что сон продолжается и вот-вот должно произойти нечто пугающее, ужасное своей неизвестностью. И действительно – изпод решетчатого потолка резко и гулко, вдруг завывало басом – “...к четвёрчетплаттоймепритоивает прискорыплатмерме...” Иннокентий, вжав голову в плечи, кинулся в стеклянные двери и очутился на привокзальной площади. Огромная колонна, увенчанная остановившимися часами, чертила бесконечную

ть по серой пустоши меж расступившихся домов. Иннокентий нашёл скамеечку, осенённую старыми липами, которые, создавая иллюзию отъединённости от внешнего, всё же не мешали ранним лучам светила слегка прогреть озябшее от неудобного сна тело товарища Небогова. Устроившись поудобнее, вышеупомянутый гражданин погрузился в тщательнейшие воспоминания, имея целью постичь своё местопребывание и, соответственно с этим, пути возвращения в более привычные обстоятельства. Размышления его шли следующим образом.

Вчера вечером... вчера вечером я был... Надо попробовать начать с утра. Утром я проснулся, разбудил жену, она одела дочку в садик, дочка не хотела просыпаться, а потом расшалилась, я торопился проглотить бутерброд, тут позвонил брат и сказал... нет, у нас нет телефона, брат позвонил потом, на работу и сказал, что приедет через неделю... Нет, это было не вчера, а позавчера, потому что он сказал, что приедет в пятницу, а сегодня воскресенье – или нет? – Иннокентий посмотрел на часы, они стояли, – да, позавчера, а вчера я с утра сказал жене, что приезжает брат и что надо бы купить кое-чего к его

– Ну что? Что?! – вскричал Иннокентий. Серый драп скользнул между судорожно скрюченных пальцев, рука Иннокентия повисла в пространстве без опоры. Мужчина отвалился назад, как развёрнутая книга. Иннокентий заглянул ему в лицо, оно чернело остановившимися глазами и оскалом.

“Если мой внутренний мир это город, то пригороды его – горькая рябина на тонких прутиках последних озарений. Ехал на электричке, весь зелёный, пахучий и липкий, и вот, стою на перроне, такой чёрствый, чёрствый и холодный. Рядом птица дёргается на нитках ветра как сердце моё. Сиротой, сиротой. Как будто не ждал зимы, а завтра выпал снег.”

По скамейке протянулась тёмная струйка. Лицо собеседника всё бледнело, становилось всё прозрачней и прозрачней. “Я об этом только читал,” – подумал Иннокентий и наконец услышал близкие очереди и крики. На площадь, отстреливаясь, выбежало несколько людей в длинных одеждах. Они укрывались за углами, но, чувствовалось, что их силы были меньше, потому что они всё же отступали. Один из них упал, нелепо взмахнув широкими рукавами. “Швайнэ! Глиттшигэ нэттерн!” – вскричал

Жизнь внутри, потому что снаружи темно и зима, потому что вчера был муторный дождь, потому что выматывают сны, похожие на дурные дни, и дни, похожие на дурные сны. Днище приснопамятной весны жизни протёрлось о камни – дней, поэтому, видимо, нет верней как погружаться в холодную грязную воду жизни внутренней, несмотря на сыро, темно и холодно. Повторяя длинную мысль о необходимости, завершая, что ли, повторяя, отмечу всё же с известной надрывностью, что это не та жизнь внутренняя, что...

– Ну что? Что?! – вскричал Иннокентий. Площадь резко потемнела. Опустели проулки, сочными стали огни светофоров. По небу неслись рваные зелёные облака, издалека шёл прерывистый грохот. Из-за крыши дома появилась и вцепилась перламутровыми когтями в оконницы верхних этажей фантазмагорично-большая птичья лапа, переливающаяся ромбовидными чешуинами метровой величины. Камни строения со скрежетом сдвинулись, несколько кирпичей, кувыркаясь, полетели вниз вместе с мерцающими осколками стекла. Еще выше, в быстро несущихся облаках появилась металлическая голова и устремилась к площади...

приезду. Жена сказала, что надо, в серванте лежит червонец, а я сказал, что если только червонец, то можно купить пива... но где купишь пива в субботу... и детский сад в субботу не работает, значит, это было в пятницу... Но сегодня воскресенье... Почему у меня такое чувство, что сегодня воскресенье?!

На площадь торопливо вышла женщина, она пугливо оглядывалась по сторонам. “Извините, позвольте...” – метнулся к ней Иннокентий. Женщина замерла, заблестела белками глаз и пролепетала срывающимся голосом: “Эс нэсапрот...” или что-то в этом роде. “Нет-нет, – заторопился Иннокентий, заглядывая ей в глаза, топырившиеся куда-то сквозь него, – Вы скажите только, что сегодня – воскресенье?.. ведь воскресенье?..” Женщина, выbledнев до последней возможности, вдруг порхнула в сторону и словно пропала. Оглядевшись, Иннокентий успел заметить лишь край зелёного плаща, скользнувший в черноту переулка.

Я, наверное, омерзительно выгляжу, подумал Иннокентий. Он захотел посмотреться во что-нибудь, но все витрины были обращены к восходящему солнцу и лишь ослепительно били по

глазам его лучами. Даже луж на площади не было. “Ладно”, сказал сам себе Иннокентий и, поместившись на прежнее место, вновь попытался восстановить события прошедшего дня.

Пусть брат позвонил в пятницу, а в субботу я проснулся, чтобы идти на работу и сказал жене, что надо купить чего-нибудь. Дочка спала, жена тоже и она сказала, что в серванте лежит червонец. Я подумал, что если суббота, то можно купить разве что пива, если повезёт. Наверное, так. Потом я пошёл на работу и только собрался сбежать в магазин, как снова позвонил брат, да, он позвонил еще раз, он звонил всего два раза, он позвонил и сказал, что приедет не через неделю, а... в воскресенье, ему внезапно сместили командировку, и он будет утром в воскресенье, и его нужно встретить, потому что он что-то там везёт. Так, но сегодня воскресенье или нет? Чёрт, почему я не могу сообразить? Но, если сегодня воскресенье, значит, он приезжает сегодня... Он говорил номер вагона, но какой?.. не помню...

Голова не болела и язык помещался в полости рта, был влажным, глаза немного слипались и тело слегка ломило,

на в сером, бесцветно-сером пальто присел рядом с Иннокентием и поглядывал на него. Спустя пару минут он решил начать разговор.

Извините, товарищ, что я вот так, значит, хочу поговорить, ничего-ничего, да вот, конечно, я понимаю, что это так нельзя, то есть не положено, но если хочется иногда – иногда! – рассказать кое-что, а некому, домой придёшь, там пусто, ну, вы понимаете, я понимаю, вот и приходится идти на площадь и тут приставать, да нет, что вы, у вас, видимо, какие-то сложности, сложности! да, в общем-то, наверное, это именно сложности, хотя я никак не пойму, как эти сложности развязать, что ли... Они как бы сложности, но для меня они как будто и неразрешимые проблемы жизненного, да! жизненного порядка. Вы расскажите, – сказал Иннокентий, – расскажите и Вам станет легче и понятней как жить дальше.

Собеседник глубоко задумался на слова Иннокентия Небогова. Он как бы погрузился в себя и там тяжело ворочал глазами яблоками. Плечи его осели, драповое пальто мешком ниспадало на скамью.

но это только от жёсткой скамейки, на которой он провёл ночь. Он не был пьян накануне, однако его память отказывалась объяснить, где он и как здесь оказался. Постепенно Иннокентий спутывался всё больше.

...Жена сказала, что нет чистого белья и нужно взять у соседей, и вообще мы в воскресенье собирались пойти в театр, в кои то веки удалось достать билеты. А дочка, спросил я. – Дочку оставим у соседей. – Как у соседей!.. возмутился я. ...нет, дочка уже неделю как у бабушки, значит, я сказал, что брат приезжает тоже не так уж часто, а жена ответила...

На площади тем временем затеплилась жизнь – проскочили несколько мотоциклистов в одинаковых кожанках, постепенно появились прохожие, сначала торопливые, почти бегущие, потом уже более медлительные, но тоже настороженно оглядывающиеся и непрестанно приникающие к стенам, протянулись в одном направлении пустые, почти бесшумные троллейбусы, из потайных щелей вылетели голуби и зафлиртывали на пригретых камнях мостовой, изредка разлетаясь от далёких раскатов и вновь слетаясь к своим затейливым делам. Мужчи-

